

РК-ХГУ-1
Маслович В.
Басни
298837

Изъ Библиотеки для чтенія А. Смирдина

№

За годъ . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтеніе книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

рк - хгч-1
298837

М—
БАСНИ В. МАСЛОВИЧА.

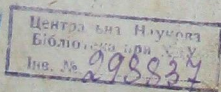
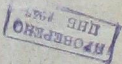
ДОКТОРА ИЗЯЩНЫХЪ НАУКЪ И ЧЛЕНА
ХАРЬКОВСКАГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ.

*Nombre de gens fameux en ce genre ont écrit (1).
La Fontaine.*

изданіе второе
исправленное и умноженное.

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

1825.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ,
основываясь на донесеніи разсматривавшаго сѣю
книгу Адъюнкта Филомафитскаго, печатать
оную дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напеча-
таніи, до выпуска въ публику, представлено было
одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Ко-
митета, два для Департамента Народнаго Про-
свѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной
Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи наукъ. Харьковъ Іюля 11 1825 года.

Деканъ В. Комилишинскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Usus-tyrannus. Вотъ что можно ска-
зать о предисловіяхъ, помѣщаемыхъ ны-
нѣ во всѣхъ почти нововыходящихъ кни-
гахъ! Охота къ предисловіямъ до того
распространилась въ семь поющемъ и
пишущемъ мірѣ, что теперь часто по-
падаютъ книги, въ коихъ предисловія
распространѣе самыхъ книгъ. Пѣсенки,
казочки, Грамматики, Арифметики, да-
же буквари снабжены предисловіями! Извѣ-
стно всѣмъ Авшорамъ, что большая часть
печателей предисловія щипають за лиш-
нія разсужденія; а пошому и за вздорныя,
и никогда ихъ не читають. Господа Чи-
патели думаютъ, что они большое дѣ-
лають одолженіе сочинителямъ, подра-
жателямъ и переводчикамъ, когда ра-
скупають ихъ шруды, и кое-что изъ
оныхъ прочитають. Для чего же (ка-
залось бы) навязывать имъ предисловія?

A usus-tyrannus, а извѣстные великіе писатели, какъ то: Волперъ, Расинъ (2) и другіе всегда въ началѣ сочиненій своихъ помѣщали предисловія? Естли пруды умовъ нашихъ не могушъ состязаться съ произведеніями знаменитыхъ сихъ людей, покрайнѣй мѣръ соблюдемъ такую же форму книжекъ нашихъ, какую у нихъ находимъ.

Кратко, но кажется, довольно объяснилъ я причину: отъ чего теперь предисловія въ такомъ большомъ употребленіи; а по сему присуплю къ моему собственному.

Хотя извѣстные наши Баснописцы Дмипріевъ, Крыловъ, издавая въ свѣтъ Басни свои, не приложили къ онымъ предисловія; однако всѣми вообще приняты ихъ пруды. Естлибы я даже чувствовалъ, что басни мои равнаго достоинства съ ними, то и тогда не знаю, оспавилъ ли бы я ихъ безъ всякаго предувѣдомленія. Басни Лафонтена, Флоріана, украшены предисловіями, воптъ и довольно для самолюбія пожелаешь на-

писать и себѣ предисловіе въ подражаніе симъ великимъ Баснописцамъ!

Исправивъ по возможности Басни свои и умноживъ ихъ вдвое прошивъ перваго изданія, я показывалъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей, имѣющимъ вкусъ и знанія въ Россійской Словесности, прося ихъ сказать безприспρασное мнѣніе о трудѣ моемъ и исправить ошибки, въ каждой баснѣ отмѣченныя мною, и другія ежели какія ушли отъ моего вниманія. Они не опыскали новыхъ погрѣшностей, но нѣкоторые изъ замѣченныхъ мною поправили довольно удовлетворительно, большее же число оставшихся ни имъ, ни мнѣ не удалось исправить. Не смотря на сіе, они вообще опозвались о моихъ басняхъ, не совсѣмъ безприспрасно и почти въ слѣдующихъ словахъ: „Въ басняхъ своихъ конечно нѣтъ простоты и простодушія Хемницера (3), обработанности и легкости Дмипріева (4), игривости и остроты Крылова (5), смѣлости и рѣзкости Нахимова (6), проспонародной характеристики Измайлова (7).... Однако онѣ годящся и напеча-

пашь ихъ можно.“ Чпожъ въ нихъ еспь? Вопросалъ я пріятелей-судей. Примѣтно было, чпо шаковый вопросъ не много ихъ запруднялъ; но, по нѣкопормъ молчаніи, каждый опвѣчалъ изъ нихъ: „Право онѣ не дурны, изрядны, ихъ напечатать можно, пошому, чпо ихъ можно будешъ прочешъ не совсѣмъ съ принужденіемъ.“

Можешь бышь другой на моемъ мѣстѣ изъ подобнаго сужденія своихъ пріятелей ничего не извлекъ бы въ свою пользу; но я обыкновенно сужу о вещахъ съ начала въ хорошую, а не въ худую сторону, можешь бышь опъ того, чпо еще худо знаю свѣшъ сей или можешь бышь опъ того, чпо на эшопъ разъ дѣло касалось собшвенно до меня.

Пріятели ушли, а я снова пустился чипашь свои Басни и внушренно повшорялъ слова ихъ: да, да, точно, онѣ изрядны и лучше многихъ. Опъ чего ихъ не напечатать (*)? И вопъ онѣ въ печати.

(*) Признаюсь торжественно моимъ Чипашелямъ, чпо разсуждая такимъ образомъ съ самимъ собою я слышномъ

Излишне кажется предварять, что басни мои не всѣ собственнаго изобрѣтенія, есть подражанія, есть и переводы: не нужно также изчислять, какія принадлежатъ мнѣ и какія взяты изъ другихъ Баснописцевъ. Внимательные, любопытные и знающіе Чипашели, сами узнаютъ, которыя мои и которыя Езопа, Федре, Лафонтена, Геллерта, Флоріана и другихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ писателей.

Три басни и именно: *Полевой цвѣтокъ*, *Быкъ и Корова*, *Сельской Мудрецъ*, я самъ не знаю, какимъ образомъ случилось мнѣ ихъ перевести, тогда, когда онѣ такъ превосходно переведены Г. Дмишріевымъ; но знаю сколь далеки онѣ отъ красотъ подлинниковъ и изящества перевода перваго Рускаго Баснописца! Увѣряю моихъ чипашелей, что я перевелъ оныя нечаянно, безъ всякаго умысла и совсѣмъ не для того, дабы испытать силы свои и

тогда увлекался моимъ самолюбіемъ. Но многіе ли изъ Авторствъ избѣгнули сего? (Позднее примѣчаніе).

искусство съ знаменитымъ Стихотворцемъ нашимъ! Могу ли я состязаться на одномъ поприще съ Рускимъ Лафонтеномъ? Вступить въ таковой не равный бой, значило бы Пигмею идти противъ Геркулеса (8) (9)!

Переведа же вышеупомянутыя басни, шаяко и совсѣмъ уже не возможно было для нѣжнаго, опцовскаго сердца моего забыть сихъ, хопя и уродовъ, но истинныхъ моихъ дѣшей; а посему я и не исключилъ оныхъ изъ сего собранія.

Чпобы распространить предисловіе, я могъ бы помѣстить здѣсь (и можетъ быть очень къспашѣ) длинную диссерпацію, назвавъ оную *теорією о Баснѣ* и испестривъ ее шьмочисленными выносками и примѣчаніями. Случай сей, можетъ быть хорошимъ доказательствомъ, чпо не все по, чпо къспашѣ, можетъ быть нужнымъ. Мы имѣемъ довольно уже теорій о басняхъ, показывающихъ правила, которыми должно руководствоваться, упражняясь въ семъ родѣ стихотворенія. Г. Рижскій (10) въ *наукахъ своей о Стихотворствѣ*, хопя крап-

ко, но по моему мнѣнію довольно доста-
точно изложилъ, чего прѣбуютъ басни.
Г. Измайловъ, какъ кажется спарается
произвестъ еще лучше, желаю, чѣобы
онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Въ кон-
цѣ новаго его изданія *басенъ, сказокъ и мѣл-
кихъ стихотвореній* мы уже читали нѣ-
сколько главъ изъ его (давно обѣщаннаго)
опыта. Наконецъ надобно признаться, что
и я въ 1816 году, тоже напечаталъ соб-
ственный мой опытъ: *о Баснѣ и Баснопис-
цахъ народовъ*, копорый теперь исправилъ
и значительнѣе умножилъ и имѣю сильный
порывъ издатъ его въ свѣтъ впорымъ
писаніемъ, что при благопріятномъ
случаѣ не премину исполнить.

Санктпетербургъ.

Августа 23.

1817.

Прибавленіе. Читашель теперь видитъ,
въ копоромъ еще году приготоовлено бы-
ло для печати собраніе сихъ басенъ. По
нѣкопорымъ, неважнымъ впрочемъ об-

спояпельспвамъ, я опложилъ тогда изда-
нїе басенъ моихъ до другаго времени и
замедливъ оное до сего дня, сильно рас-
каяваюсь въ таковой моей опсрочкѣ! Г.
Пушкинъ (въ началѣ, творецъ *Руслана и*
Людмиллы, попомъ, *Кавказскаго Плѣнника* и
Бахтисарайскаго Фонтана), прельщающимъ
шаланпомъ своимъ, сильный сдѣлалъ пе-
реворотъ въ Россійской Поэзіи и проложя
совершенно *новый*, гладкій путь, чрезъ
шерніе языка нашего, увлекъ за собою
всѣхъ молодыхъ поборниковъ Россійскаго
Спихопворспва; да и нѣкоторыхъ, заслу-
женныхъ спариковъ, заставилъ просма-
тривать *зады* ихъ! До появленія *Пушкина*,
въ опрочесствѣ оказавшагося уже *Алки-*
домъ, только одинъ *Дмитріевъ* съ весьма
немногими, удивлялъ всѣхъ обрабошанно-
спію спиховъ своихъ; *Пушкинъ* же, лег-
коспію, плавноспію и роскошью спиховъ
своихъ, которые, какъ *жемтугъ* по бархату
хатятся, передалъ почти всѣмъ новымъ
Поэпамъ нашимъ, таинспво писать глад-
кіе спихи (*). И теперь *версификація*, или

(*) Разумѣется не каждому въ равной степени.

такъ называемый *механизмъ Поэзіи*, съ копорымъ цѣлое сполѣпіе, боролись Геніи наши, спановипись *вообще* почпи безпруднымъ искусствомъ. Вопъ непреложныя услуги, оказанныя Россійской Поэзіи *А. Пушкинымъ*!

Къ сожалѣнію моему, я немогу сказать о *себѣ*, чпобы я по примѣру прочихъ успѣлъ сколько нибудь занявъ опть *Г. Пушкина* легкости въ версификаціи, спихи мои опшываются еще *старинною* погвремени, въ копорое были они написаны. Тогда ошибки, пропивъ *прозодіи, цезуры, стегенія словъ*, и всѣ пакъ сказаъ *шереховатости*; назывались пѣипическою вольностію (*licentia poetica*); и если въ двадцати спихахъ, было, десяти хорошихъ, пяти посредспвенныхъ и пяти совершенно негодныхъ, то и Чипашели, и сочинители, равно были довольны, и первые всегда тошovy были рукоплескаъ послѣднимъ!

Чувствую, чпо пропорція сія въ полной мѣрѣ оспалась и шеперь въ спихахъ моихъ; но знаъ привычка къ упомянутымъ погрѣшностямъ пакъ уже сдѣла-

лась во мнѣ сильна, что я не смогъ на всѣ спаранія мои, ни на продолжительный срокъ, который предположилъ было для испраенія басенъ моихъ, не могъ ихъ выгладить по моему желанію! Если бы я тогда же ихъ напечаталъ, онѣ конечно Публикою были бы приняты благосклонно; теперь же когда прошли времена дурнаго вкуса и снисхожденія, Чипашели и слушатели пріобрѣли тонкій слухъ и спали *выскаательны* во всемъ спрогомъ смыслѣ сего слова, къ поэтамъ, чего долженъ я ожидать отъ Публики, какъ не одного холоднаго пріема? Всего бы благодаримъ было предать огню всё сіе *Гимназическое, и Студентское маранье*, (*) но на таковой подвигъ нужно бы имѣть геройскую и едва ли не свѣше человѣческую твердость души! А часъ ли можно, признаешь Чипашели, имѣть подобное *самоотверженіе*? Что касается до меня, я въ жизнь мою большія уже кипы добро-

(*) Неболѣ пяти, шести басенъ написаны въ С. П. Б. а прочія въ Харьковѣ, когда еще я учился.

салъ въ пламенную печь (*), но на сіе произведеніе мое не въ силахъ былъ ожесточиться!

Припомъ же сколько разъ, помню я, дитя сіе взидало съ умиленіемъ на Ошца своего И такъ, *что будетъ, то и будетъ* (**); а я рѣшился нынѣ басни мои пуспитъ на бѣлый свѣтъ, чпо бы и въ самомъ дѣлѣ безпреспанною моею нерѣшимельностію не опсшатъ покрайній мѣръ на полвѣка опъ моихъ собратій. Да будушъ басни сіи на грядущія времена свидѣтелями, чпо и я жилъ въ подлунномъ Мірѣ, чпо такъ то мыслилъ, такъ

(*) Современемъ Читатели узнають всѣ подробности изъ другаго моего сочиненія: Украинскій Пѣшеходъ въ Столицѣ, по какому случаю совершенно мною такое Auto da Fe!

(**) Изрѣченіе сіе: Чпо будетъ, то и будетъ, а будетъ то, чшо Богъ дастъ, многіе приписываютъ Славному Богдану Хмѣльницкому, но прежде его, за нѣсколько тысячъ лѣтъ выразилъ мысль сію Индѣйскій Мудрецъ Вишну-Сарма, слѣдующимъ образомъ: „Чему не должно быть, того не будетъ; а чему должно быть, то почно такъ и будетъ. Сіе умствованіе, есть врачеваніе, для чего же скорбящіе его не употребляютъ?“

чувспвовалъ Соглашаюсь лучше,
(какъ сіе ни больно!) бытъ нѣкогда подѣ
оспріемъ репивыхъ *Пюристовѣ* и прешер-
пѣашъ насмѣшки отъ рѣзвыхъ ихъ уче-
никовъ, чѣмъ вмѣстѣ съ милліонами лю-
дей низвергнушь ся во тьму непробудную!

Санкшпетербургъ.

Декабря 3.

1824.

* ~~~~~ *

К. Г. В.

Тебѣ, любезная Сестра,
Мои я басни посвящаю.
Осенніе шеперь приходятъ вечера,
И я себѣ воображаю:
Какъ съ мужемъ, съ Дядей ты пѣшкомъ
Въ Гіевскомъ Паркѣ походивши,
И послѣ чаю имъ наливши,
Усядешься предъ камелькомъ,
И, взявши въ руки книгу брата,
Ты начинаешь имъ чашать:
„Какъ бѣдна дѣвушка не можетъ избѣжать
Сѣшей злокозненныхъ разврата...“ (11)
Тутъ добрый Дядя — моралистъ
Прерветъ твое, Сесприца, чтенье,
Чтобы сказать свое о бѣдности сужденье,
И длинное — его не впишешь въ листъ!
Пошомъ про Розу и Ромашку (12)
Быть можетъ ты чашать начнешь,
И басни сей узнавъ развязку,
Сама *Сократствовать* (13) пойдеши
И скажешь: точно, негодится
Другихъ завидовать судьбѣ;
На счастье кто чужое злился,

Тотъ вредъ наносить лишь себѣ!
Сказавъ сіе, опять за чтенье....
Но вошь бѣда — пришелъ Ефимъ (14) —
Прочь басни! — О винокуреньи
Начнете разсуждать вы съ нимъ;
Пошли до полночи рассказы
О выходахъ и о винѣ!
Вамъ весело, а я Алмазы (15)
Топчу въ Ижорской сторонѣ (16)!
„Ну такъ ходи по шротуарамъ,“
Смѣясь вы скажете въ отвѣтъ.
Но вы смѣшесь право даромъ,
А мнѣ смѣяться пользы нѣтъ.
Не ужъ ли время то далеко,
Чтобы мнѣ вмѣстѣ съ вами жить?
За чѣмъ, казалось бы, высоко
Намъ на ступень чesшей всходить?
Вѣдь можно безъ чиновъ любить!
За чѣмъ? . . . еще я вопрошаю. . . .
Но кой что вспомня — умолкаю,
Чтобъ старика не разсердить.

БАСНИ
КНИГА ПЕРВАЯ.

9

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ

Інв. №

298837

Suspicionē, si quis errabit suā
Et rapiet ad se quod erit commune omnium,
Stulte nudabit animi conscientiam (17).
(Phoed. lib. III. Prol.)

* ~ ~ ~ ~ ~ *

Б А С Н И

КНИГА ПЕРВАЯ.

Перо, Чернилица и Чернило (18).

Б А С Н Ь I.

Перо, чернилица, чернило
Заспорили между собой.
Перо сначала говорило,
Талантъ выказывая свой:
„Не стану я терять напрасно
Свои игривыя слова;
А въ двухъ иль въ шрехъ скажу вамъ ясно,
Моя услуга какова:
Восторгъ чудесный господина
Изображаю быстро я,
Лечу мгновенно до Нанкина (19)
Или на льдисшья моря,
Иль вдругъ опшуда до Парнасса (20):
Тупъ, взявши мыслей пузырекъ,
Мы шпоримъ съ Бариномъ Пегаса (21)
Въ Американскій островокъ;

Или сидимъ подъ Кипарисомъ,
Бѣжимъ въ Аркадскія поля (22),
Тамъ плачемъ съ пастухомъ Тирсисомъ
Вблизи серебристаго ручья.
Иль рвемъ душистые цвѣточки,
Смѣемся, прыгаемъ, шалимъ,
Съ пастушками плетемъ вѣночки,
Или съ подъячими сидимъ:
Тупъ важну ролю я играю,
На щепъ просипелей смѣюсь;
Крючокъ обширный загинаю
И онымъ зацѣпипъ пружусь.
Или по Августа (23) совѣшу
Законы предписую я —
Я участь назначаю свѣшу:
Кто превосходнѣе меня?
Постой, довольно ты болтало;
Не лзяль умолкнуть на часокъ
Чернило такъ Перу сказало,
И выслушашъ меня дружокъ?
Когда бъ своей лоснящей влаги
Перу чернило не дало;
Не уже ли ты на бумагѣ
Писать бы безъ меня могло?
Такъ перестань же ты гордиться,
И носъ высоко задирашь,
Чернилу стоить разсердиться,
Въ лоснящей влагѣ отказать;

То вдругъ изсохнешь, поблѣднѣешь,
Разколешься, разинешь ротъ,
Умрешь — и больше не зашѣешь
Расказывать свой быспрый ходъ? . . .
И ты не очень возносишься,
Чернилица сказала путь:
Въ моемъ желудкѣ не сердися,
Не то, сей часъ тебя прольютъ;
Ты на столѣ семь разольешься,
Неволею плясать начнешь,
Во внутренность его вопьешься,
Пера скорѣе пропадешь!
А лучше свести на вѣки дружбу
Не спорить и довольнымъ быть,
Сносить охотно барску службу
И ямы другъ другу не рыть (24).

Два Мѣшка.

Б А С Н Ъ П.

Юпитеръ два мѣшка всѣмъ людямъ привязаль,
Одинъ назадъ — съ пороками своими,
Другой напередъ — съ чужими.
А Федръ на это такъ сказалъ:
Вотъ отъ чего своихъ пороковъ мы не знаемъ,
А у другихъ малѣйши замѣчаемъ (25).

* ~~~~~ *

Молодой Осель.

Б А С Н Ъ III.

Младый Осель фонь-Долгоухъ,
Узнавши о своемъ презнаменишомъ родѣ,
Когда ходилъ пасшисъ на лугъ,
Все только думалъ о породѣ.
Сколь былъ его почешень дѣдъ;
Ему такъ няни толковали:
Его священны Папы знали,
Садились на его хребеть!
Фонь-Долгоухъ нашъ симъ кичился,
И эшихъ словъ не проронилъ;
Ужъ съ лошаками не рѣзвился,
Когда пасшисъ на лугъ ходилъ.
Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ учисься
И бышь знакомымъ лошакамъ.
„Ученье черни лишъ годишся,
Оно не нужно знашнымъ намъ.“
Такъ думалъ онъ и билъ баклуши!
А между тѣмъ все росъ, да росъ;
Чѣмъ больше спановились уши,
Тѣмъ выше задиралъ онъ носъ.
Межъ тѣмъ, какъ вель онъ жизнь шакую,

Ученье кончилось конямъ.
И повели ихъ въ Коренную (26)
Продашь чпобъ съ Долгоухомъ шамъ.
Коней одинъ Баронъ богашой
Велѣлъ прикащику купить,
Какой бы ни было то плашой,
Въ злашую сбрую нарядить.
Осла жъ за цѣну не большую
Сердитый мѣльникъ спорговаль;
Надѣлъ веревочную збрую
И за упрямство отхлыснать.
Фонь-Долгоухъ мой пуще злился
И уши въ верхъ приподымаль,
Весьма Барону онъ дивился,
Что онъ Осламъ цѣны незналъ!
Качаль со злости головою,
Глаза съ досады закрываль,
Брыкаль, бросаль на всѣхъ землею,
І-а, ї-а, ї-а, кричаль.
Что значило на ихъ языкѣ:
„Въ какихъ рождень я временахъ!
Бывало грозные владыки
Ѣзжали гордо на Ослахъ!
Теперь Осламъ предпочитають,
Кого же? подлыхъ лошадей,
Въ злашую збрую наряжаютъ —
Вошь справедливость у людей!“

Стрѣлокъ и Змѣя.

Б А С Н Ъ IV.

Стрѣлокъ,

Увидѣвъ, что сидишь на Липѣ Голубокъ,
Винтовку заряжаетъ
И Голубка своимъ щипаетъ.
Но кончилось бѣдой.

Другой:

Змѣя въ Стрѣлка пустила жало
И мигомъ бѣднаго не спало.
Изъ Басни сей урокъ такой бы вывелъ я:
Не шронь другаго ты, но береги себя.

* ~ ~ ~ ~ ~ *

Рожденіе смѣха.

Б А С Н Ъ V.

Чишатели, кто хочетъ знать
Какъ появился смѣхъ на свѣстѣ?
Прошу покорно прочиташъ,
Вошъ басенка о семъ предмѣстѣ.
Прошло, не помню, сколько лѣтъ
По сотвореньи человѣка,
Положимъ, что прошло полвѣка,
Ошъ эшаго убытку нѣтъ.
Одной дѣвицы Зубы,
Разгнѣвались на Губы,
Иль, такъ сказать, на скромность Губъ.
Одинъ послали къ Зевсу Зубъ
Изъ Зубья своего Сенаша,
Въ одеждѣ Депушаша.
Явился Зубъ предъ Зевса шронъ,
На Губы жалуется онъ,
На пригнѣсеніе ихъ доноситъ,
И такъ Юпитера онъ проситъ:
Вели о Зевсъ, Губамъ, ошверстѣе ошворятъ,
По чаще въ верхъ и въ низъ вели имъ шевелиться,
На нашу бѣлизну чтобъ всѣ могли взирашъ
И ея чтобъ могли плѣнишся.

Вняль прозьбѣ ихъ Зевесь (27)
И приказанье даль съ небесъ,
Чтобъ кинули всю скромность Губы:
Съ шѣхъ поръ дѣвицы скаляшъ Зубы
И смертныхъ родъ смѣется весь.

Рыбы и лоющий Пастухъ.

БАСНЬ VI.

Тирсисъ такъ сладко пѣсни пѣлъ
Пастушкамъ, дѣвушкамъ любезнымъ,
Когда игралъ Тирсисъ въ свирѣль,
То будь хоть дикимъ, хоть желѣзнымъ,
Съ своей холодностью прощай,
Горюй, томися и вздыхай.
Но надобножь бѣдѣ случиться,
Пойти Альцестѣ рыбъ ловить;
Напрасно бѣдная трудилась,
Уже съ ней градомъ пошъ капнуть;
Однакъ ни рыбки не поймаетъ.
Тирсисъ все видитъ, чуть дышитъ,
И потихоньку разсуждаетъ:
Запѣшь-ка рыбкамъ пѣсню мнѣ;
То бросяшся онѣ на вѣрно
Альцеста милая, къ тебѣ!
И-съ нѣжностью безмѣрной
Такую пѣсенку запѣлъ:
„О какъ бы я на вашемъ мѣстѣ
Теперь бытъ, рыбочки, хотѣлъ!
Я приплылъ мигомъ бы къ Альцестѣ.

Чего бояться рыбки, вамъ?
 Пастушки лишь для насъ жестоки,
 Лишь причиняютъ горестъ намъ;
 А васъ, о рыбки сребробоки,
 Ждутъ только радости одни?
 Вы будете златые дни
 Вести съ любезною моею;
 Вы будете рѣзвиться съ нею
 И жить ужъ не въ водѣ съ пескомъ,
 А въ рамкахъ подъ стекломъ.
 А ежели какой случится
 Изъ васъ попасть къ ней на обѣдъ;
 Скажитежь, кто не согласится
 Отъ рукъ Альцесты умереть? “
 Такъ пѣлъ Пастухъ; хотъ пѣлъ пріятно,
 Для рыбъ однако непонятно.
 Съ досады пересталъ онъ пѣть,
 Закинулъ сѣть,
 И столько рыбъ поймалъ, что имъ и щепу нѣшу.
 Не гнѣвайся Лафонтенъ, что я на басню эшу
 Толкъ дѣлаю иной,
 Такой:
 Тирсисъ! гдѣ сѣть нужна, тамъ пѣсень ты
 не пой (28).

Кукушка и Скворецъ.

Б А С Н Ъ VII.

Кукушка нѣкогда спросила у Скворца:

„Что говорятъ про Соловья-пѣвца?

— Любителямъ давно извѣстно,

Что онъ поешъ прелестно.

„А о Чижѣ, какъ идетъ толкъ?

— Жалѣють, что умолкъ.

„Не уже ли? Кукушка отвѣчала:

Я бы весьма обязана вамъ спала,

Когдабъ, нельзя ли мнѣ открытъ,

Что слышно обо мнѣ, позвольте васъ спросить?

Признайся вамъ, и я пѣвала,

И на Парнассъ не разъ лѣзала.

— Объ васъ сударыня? но я боюсь сказать....

„Не бойшесь, ну что же-съ, что же-съ?

О вашихъ пѣсенкахъ все, что то не пригоже-съ

Изволяшъ толковашъ.

„Доброжь, когда такіе люди спали,

Мои всѣ пѣсни освистали

И не хощашъ меня хвалишь;

Такъ всѣхъ поставлю ни въ полушку

И буду о себѣ сама я говорить.“

Есть много Авторовъ, похожихъ на Кукушку.

Роза и дикая Ромашка.

(А... Н..... Велланской).

Б А С Н Ъ VIII.

Велланская, любимица Парнасса
И чтительница Музъ!
Не столько вкусъ тебѣ приятенъ Ананаса,
Не столько нравится Арбузъ
Въ Царицынскихъ степяхъ взрощенный;
Сколь сладки для тебя Пѣвцовъ согласны шоны
Въ Литературѣ ты имѣешь понкѣй вкусъ.
Не столь прельщаешься на шляпкѣ ты цвѣтами,
Сколь умной прозою и легкими стихами!
Вотъ басенка моихъ трудовъ:
Но знай, не Дмипріевъ Масловичъ, не Крыловъ:
Далеко искусствомъ я отъ славныхъ сихъ Пѣвцовъ,
Которые швой умъ и сердце занимають,
Подъ часъ развеселишь, подъ часъ разбѣжишь
знають. —
Питмею можно ли, Алкидамъ въ слѣдъ иди?
Но все таки мою ты басенку прочти.
Ромашка дикая однажды на разсвѣтѣ
На розу въ полномъ цвѣтѣ
Смотрѣла пристально и шакъ сказала ей:

Ты роза запахомъ прельщаешь всѣхъ людей,
Твой видъ любезенъ всѣмъ, швоя завидна доля!...
„Ромашка! не грѣшно ль тебѣ
Моей завидовать судьбѣ?
Во всемъ боговъ естъ воля!
Поебръ, намъ Флора (29) всѣмъ равно
Свои щедроты ниспослала,
И каждому цвѣтку богиней то дано,
Что нужнымъ дать она щипала.
Меня Царицей вашей чшутъ,
Меня прекрасною зовушь;
А можешь быть — въ сѣю минушу
Увидимъ въ цвѣтникѣ Анюшу;
Ты будешь жить — меня сорвушь —
И я до вечера увяну,
И больше возбуждашь въ васъ зависти не спану

Пѣтухъ и Алмазъ.

Б А С Н Ъ IX.

Въ сору Пѣтухъ голодный рылся,
Потѣлъ бѣдняжка цѣлый часъ,
И трудъ его вознаградился:
Въ сору находишь онъ Алмазъ.
Алмазъ, вы знаете, не шушка,
Онъ очень важенъ у людей . . .
Ячменное зерно гораздо бы сыпнѣй
Было для моего желудка,
Ябъ за него Алмазъ съ охотой промѣнялъ.
Такъ умный Пѣтушокъ сказалъ (30).

Я одного и самъ съ нимъ мнѣня,
И всякъ бы шакъ заговорилъ,
Когдабъ избѣгнувъ попопленья
Въ безлюдный островъ брошенъ былъ.
Хотя Алмазъ величиною
Онъ тамъ нашель бы въ цѣлый брусъ;
Однако съ радостной душою
Егобъ за хлѣба отдасть кусъ.

Избраніе Министра.

Б А С Н Ъ Х.

Царица Смерть собрать велѣла
Однажды свой придворный шпашъ,
Ея Величество хошѣла
Министра перваго избрать:
Чтобъ вмѣстѣ съ нею Царствомъ править,
Ея руксю правой быть,
Ея Имперію прославить,
Короче, чтобъ людей поболѣе морить.
Отрывистымъ, нескорымъ шагомъ
Изъ Адскаго выходятъ дна
Попарно строгимъ вахшпарадомъ:
Горячки, параличъ, война,
Подагра, жаба, водяная,
Пострѣлъ, скорбушъ, сухощка, ломъ,
Удушье, лѣкаръ, язва злая,
Всѣ, всѣ съ торжественнымъ челомъ
Къ Ея Величеству предстали,
И всѣ другимъ на перекоръ
Свои заслуги представляли.
Но только лѣкаръ лишь, да моръ,
(Знашь разни дѣлали уловки)

Царицей Смертью самой,
Назначены къ балашировкѣ.
Ужъ лѣкарю данъ крестъ большой,
Надѣшы леншы двѣ широки!
Но тщетно! все пошло не въ ладъ,
Вдругъ появляются *Пороки*
И имъ восплещешъ цѣлый *Адъ* (31)!

Полевой Цвѣтокъ.

Б А С Н Ъ ХІ.

Однажды Полевой Цвѣтокъ
Нечаянно попалъ въ вѣнокъ
Изъ розъ пастушкою сплетѣнный,
И спалъ, какъ Роза, благовонный!

Большая польза въ томъ,
Когда кшо съ умными знакомъ.

Баснь и Истина.

Б А С Н Ъ XII.

„Сестрица душенька, куда какъ ты щасплива!
Вездѣ ты принята, любима ты вездѣ.
А про меня швердятъ, что будто я криклива,
Что будто отъ меня покою нѣтъ нигдѣ!

Что я привязчива, упряма,
Что навожу на всѣхъ лишъ сонъ,
Я деревеньщина — не дама,
Не соблюдаю *le bon ton*,
Груба, несносна, не опрятна,
И безобразна, и не сншна,
Короче, всѣмъ я людямъ ножъ.“
Такъ къ Баснѣ Истина вопила:

А Баснь въ отвѣтъ
Сестрицѣ эдакъ говорила:
Прими мой милая совѣтъ
И не кляни свою судьбину,
Надѣнь по моему личину
И нарядися въ ложъ:

Такъ будешь въ нѣгѣ, будешь въ холѣ,
И въ лучшей прошивъ прежней долѣ.

Пахомъ.

Б А С Н Ъ XIII.

Пусть пишутъ Оды иль Сапиры
Иль Мадригалы для Глафиры (32),
Или жизнь сельскую поюшь,
Или сокъ винный съ Вакхомъ пьютъ (33),
Или пускай съ Анакреономъ (34)
Звучишь на лирѣ легкимъ тономъ
Собою занятый Нарцисъ (35),
И шѣмъ волнуешь кровь Лаисъ (36)!

Яжъ все сіе предославляю
На эшотъ разъ другимъ пѣвцамъ:
Сїи минушны посвящаю
Пахома славнаго дѣламъ.
Дѣла Пахома знамениты,
Не ужъ ли бышь должны забыты,
Подъ спудомъ вѣчно пролежать?
Нѣтъ, нѣтъ! пора ихъ рассказать!

Внемлите же: Пахомъ родился,
Онъ много спалъ, и пилъ, и ѣлъ,
Онъ былъ женатъ — жены лишился,
И въ вѣчность наконецъ отошелъ!

Конь и Бѣлка.

Б А С Н Ъ XIV.

Конь гордый Алезанъ подѣ всадникомъ Гусаромъ,
Со всею гибкостью и ловкостью скакалъ,
И бѣгомъ шаковымъ животныхъ удивлялъ.
Сѣ увидѣвши вскричала Бѣлка съ жаромъ:

„Вотъ странная толпа зѣвакъ,

„Пустымъ скачкамъ Коня дивишься!

„А онъ проскакъ

„И впрямь пожалуй загордится!

„Пусть вспрыгнулъ бы на Вязъ!

„Тогда бѣ увидѣли, что Бѣлка во сто разъ

„И выше прыгаетъ, и во сто разъ живѣе,

„И столько жѣ гибче и ловчѣ!“

Умѣръ свой гнѣвъ, сказалъ шутъ Вѣкшѣ Алезанъ,

И быстротой своей кичишься пересманъ.

Никто не спорить, ты великая прыгунья,

Да пользы ль этомъ нѣтъ, шалунья?

Кончина Мухи и Комара.

Б А С Н Ъ Х V.

Сколь мнѣ плакать ни несродно,
Но и я проплакаль разъ.
Съ Мухой какъ Комаръ безгодно
Въ цвѣтѣ юности погасъ.

Въ вечеру часу въ девятомъ
Къ Журналисту я писалъ;
Разумѣется быть свапомъ
По стихамъ ему желалъ.

Муха близъ меня кружилась
И шалила съ Комаромъ,
Спать съ поранка не ложилась,
Вѣрно выпалася днѣмъ.

Но пускай бы какъ хотѣла,
Такъ изволила шалишь;
А шо нѣтъ, вино узрѣла
И пусшилась съ жаромъ пишь.

Разъ, два, три она хлебнула,
Помрачилась виномъ,
Зашаталась, соскользнула,
И уснула вѣчнымъ сномъ.

Вкругъ свѣчи Комаръ кружился
И безпечно пѣсни пѣлъ;
Бѣдный свѣтомъ ослѣпился,
Пырь на свѣчку и — сгорѣлъ.

Дѣти, дѣти! бросьте шалость,
Коль хотите долго жить:
Вотъ какая можетъ малость
Человѣка погубить!

Мизонъ (37).

Б А С Н Ъ XVI.

Мизонъ по мудрости своей
Быль Греціи извѣстенъ всей,
Въ лѣсу онъ жилъ уединенно,
Хоть не богато, но блаженно;
Доволенъ малымъ былъ,
Свободой наслаждался,
Дни безъ заботы проводить
И блескомъ злапа не прельщался.
Однажды вздумали Философа спросить:
Мизонъ! намъ право непонятно,
Какъ можешь ты одинъ въ лѣсу безъ скуки жить,
И даже жить пріятно?
Мизонъ съ усмѣшкою такой имъ далъ отвѣтъ:
„У Философовъ скуки нѣтъ (38).“

Муха и Паукъ.

Б А С Н Ъ XVII.

Муха, сидя на пирожномъ,
Людямъ начала пеняшь:
Долго ли ее въ ничтожномъ
Стануть видѣ представляшь?
Я съ Царями раздѣляю
Всѣ утѣхи по поламъ,
Съ ними по садамъ гуляю,
Разѣзжаю по дворцамъ,
Съ ними ѣмъ съ одной посуды,
Изъ однихъ бокаловъ пью,
Осушаю разны блюда
И въ чертогахъ ихъ пою.
Сколь вашъ умъ, Натуралисты (39),
Отъ созрѣлости далекъ!
Дубъ на всѣ страны лѣсисты
Черезъ васъ теперь Царекъ,
Левъ надъ дикими звѣрями,
Надъ пернатными Орель;
Муха такъ забыла вами!
Кто ее не знаетъ дѣлъ?
Вы припомните жилище.
Гдѣ великая живетъ,
И представте то гнѣздище,
Что себѣ Орель Царь вьетъ;

Или ту глубоку нору,
 Гдѣ и свѣту входу нѣтъ,
 Гдѣ лишь смрадъ, гдѣ кучи сору,
 Тамъ Царь Левъ покой беретъ.
 Да и вы признайтесь сами,
 О ученый жалкій людъ!
 Можешель сравняться съ нами?
 Бѣдны, какъ смѣшонъ вашъ судъ!
 Сами вы живёте въ хатахъ
 И жуёте хлѣбъ съ водой;
 Часдо по міру въ заплахахъ
 Съ книгой ходите, съ сумой.....⁶⁶
 Муха бы еще бранилась,
 Разругала бы весь свѣтъ;
 Но отъ злоспи помрачилась,
 Къ Пауку попала въ сѣтъ.
 „А, здорова ли сестрица?
 Мухѣ такъ Паукъ сказалъ:
 Благодарствую, Царица,
 Я давно васъ поджидалъ.
 Вы однако не къ невѣждѣ
 Въ домъ заѣхали *Madame!*
 Я васъ скушаю — но прежде
 Мудрый вамъ совѣтъ подамъ:
 Естлибъ были вы довольны
 Скромной участью своей,
 Да не очень своевольны:
 Пищей не былибъ моей.⁶⁷

Пѣтухъ и Курица.

Б А С Н Ъ XVIII.

Влюбился въ Курицу Пѣтухъ,
И Курицѣ понравиться старался:
Искалъ ей зернушекъ, ловилъ ей разныхъ мухъ,
И словомъ такъ какъ франтъ за нею увивался!
Но былъ худой ему въ любвишкѣ успѣхъ.
Красавица его не скромности боялась
И горлопану какъ насмѣхъ
Она не поддавалась.
Однакоже Пѣтухъ и самъ не промахъ былъ:
Смѣкнулъ онъ дѣломъ, ухитрился,
И предъ красавицей печальнымъ притворился,
Насупился и приунылъ.
И точно Курицу на жалость преклонилъ!
Она разстрогалась и такъ ему сказала:
Давно бы я дружокъ тебѣ принадлежала;
Да всѣ вы Пѣтухи нескромны на языкъ,
Едва успѣете вкусить любви сладость,
Вдругъ и поднимете на всю деревню крикъ;
А болшуна любить, признайся, что за радость?
„Не ужели? — Воскликнулъ Чичисбей (40):
И обо мнѣ ты судишь такъ обидно?“

Ахъ, какъ тебѣ несстыдно
Не вѣришь честности моей!
Я на знакомыхъ всѣхъ сошлюся,
Что я далеку отъ тѣхъ несносныхъ болтуновъ...
— Такъ поклянися мнѣ. „Клянуся!“
И пусть щасливѣйшимъ онъ спалъ изъ Пѣшуховъ.

Не отгадаете ль, Чисташели, вы сами,
Какъ клятву нашу Пѣшухъ сдержалъ?
Коуреку онъ правда не кричалъ,
За то пресильно билъ крылами!

Алмазы и Стразы.

Б А С Н Ъ XIX.

Любезный Дмитрій, ты напрасно
Надѣль съ брильянтами кафшанъ.
Тебѣ по вечерамъ ходишь небезопасно
Сказаль такъ Дмитрію Степанъ.
„Не безпокойся братъ - вѣдь Дмитрій
Не просъ, а самъ довольно хитрый,
На вещи смогришь тоже въ даль —
И превратиль брильянтъ въ хрусталь!“
Сіе подслушавши Евгений,
У коего проворный гений,
Димитрію такъ говорилъ:
Не хорошо ты поступилъ;
Добро, пускай бы за Алмазы
Тебя убили — такъ и бышь;
А то смѣшно, какъ ужъ за *Стразы*
Тебя разбойникъ умершвишь!

Корабль безъ Руля.

Б А С Н Ъ XX.

Корабль лишась Руля, игралищемъ спальъ волнь;
Недолго по морской поверхности носился,
Бѣдняжка! словно легкій чолнъ
Въ щепу о камни онъ разбился!

Читатель! море — жизнь, корабль разбитый — мы.
А волны — наши страсти,
На мѣсто же Руля, чтобъ избѣгать напасти,
Творецъ намъ дароваль умы!

Конецъ первой книги.

Б А С Н И
К Н И Г А В Т О Р А Я.

Que j'aime les héros dont je conte l'histoire !
Et qu'à m'occuper d'eux je trouve de douceur !
J'ignore s'ils pourront m'acquérir de la gloire,
Mais je sais qu'ils font mon bonheur.

Florian. livre IV. fab. 1.

Б. А С Н И

К Н И Г А В Т О Р А Я.

Сельской Мудрецъ.

Б А С Н Ъ I.

Люблю я про моихъ Героевъ говорить,
Въ бесѣдѣ ихъ себѣ я нахожу забаву;
Но могутъ ли они мою составить славу?

Не знаю. — Но какъ бытъ!....

Не всякой одаренъ *Кларисовымъ* (41) умѣньемъ.

Съ живошными готовъ вести я дни свои,

Онѣ товарищи вѣрнѣйшіе мои!

Однако признаюсь, хопя и съ сожалѣньемъ,

Не всѣ онѣ къ добру одарены *влеченьемъ*;

И многихъ знаю я, хопь не скажу именъ,

Которыя людскимъ порокамъ тожъ подвластны!

Но я въ приспращтіи не буду обличенъ

Прибавя, что онѣ насъ менѣе опасны!

Не знаю, всякой ли объ этомъ судить такъ,

Какъ мыслилъ мой одинъ Украинскій землякъ (42)

Лѣсовъ дубовыхъ мудрый житель?

Бывъ чудо-человѣкъ, совѣтникъ, примиришель,

Онъ восемьдесятъ лѣтъ Украиной былъ чшимъ!
Стекались всѣ къ нему для умныхъ совѣщаній.

И старецъ что бывало скажешь имъ,
То исполнялося всѣхъ лучше приказаній.
Бышь добрымъ онъ примѣръ показывалъ собой,
Всѣ слово за законъ его тамъ принимали.
Съ какимъ почтеніемъ всѣ на него взирали,
Когда онъ окружень бывалъ своей семьей

Безчисленной, благословенной,
Чтобы домашній споръ иль ссору разобрать!
Тогда никто не смѣлъ солгать

Предъ сѣдиной его почтенной.
Однажды помню я, въ его укромный домъ,
Изъ города одинъ прѣхалъ мужъ извѣстный,
И въ разговоръ вступилъ съ любезнымъ спарикомъ
„Скажи мнѣ старецъ честный,
Въ какомъ ты Авторѣ, иль книгѣ ты какой
Бышь мудрымъ изучался?

Или подобно какъ Улисъ Герой (43)

Ты тоже спранствовашь ко всѣмъ дворамъ
пускался?

Иль просвѣтилъ тебя Зенонъ (44)?

Иль можешь бышь проникъ ты секту Эпикура (45)?

Иль Пифагоръ тебя наставилъ, иль Платонъ (46)?

— Во вѣкъ не слыхивалъ такого я сумбура,
Такъ отвѣчалъ старикъ: учитель мой — нашура.
Я на звѣрей смопрю, они мой образецъ,
И думаю для всѣхъ чувствительныхъ сердець.

Мнѣ горлица урокъ преподала быть вѣрнымъ,
А Муравей подвигъ меня къ шрудамъ,
Чтобъ постояннымъ быть, въ шерпѣни неизмѣн-
нымъ,

Я эшимъ одолженъ воламъ.

Овечка же меня наставила быть скромнымъ,
Собака добрымъ быть — не соннымъ;
А ештлибъ не любилъ сыновъ и внучашъ я,
Дыпляша, курица наставили бѣ меня:
Онѣ примѣръ любви родительской и дѣтской!
Шомъ какъ провелъ я вѣкъ свой молодецкой (47),
И старость также провожу!

Шобы добро шворишь, въ шомъ радость нахожу!

Природѣ слѣдую, природу наблюдаю,
Шѣренъ, всѣхъ люблю, и шоже уповаю,
Что я и самъ любимъ.

Шопъ ключъ къ всѣмъ шайншвамъ моимъ.

~~~~~

Ворона и Овца.

Б А С Н Ъ II.

Ворона на спину Овечкѣ сѣла,
Обыкновенну пѣснь: *кра, кра* она запѣла.

Терпѣнье потерявъ Овца,
Воронѣ наконецъ сказала два словца:
„Ворона, ты бы сѣсть на Пса не смѣла.“

Конечно нѣтъ,

Вороны былъ отвѣтъ:
Мнѣ стыдно было бы на старости учиться,
Какъ съ слабымъ надобно и съ сильнымъ обходиться.

Собака.

Б А С Н Ь III.

Собака вздумала когда то мухъ ловить:

Потѣешь, прыгаешь, вершишься,
Но Мухой ни одной не можешь поживишься.

Да какъ же быть,
Хотя и злишься?

Не трудно и еще глаголовъ положишь

На *итъ*,

Иль *аетъ*,

И Басню продолжишь:

Все мухи ни одной Собака не поймаетъ.

Такъ лучше перестать

Глаголы въ рифму подбирать,

А коротко сказать:

Собака, ешьлибъ ты лишь подъ ноги смотрѣла,

То больше прибыли имѣла.

Сей басни и другой дашь можно оборошъ,

Что шотъ,

Глаголы въ рифму кто кладешь:

Рифмоплешь (48).

Чтеніе Басни.

БАСНЬ IV.

Езопа басенки Пастушка прочитала

И по пастушьи разсуждала:

Езопъ мнѣ кажешся, что лжопъ.

Какъ могушь говорить Орель, Собака, Котъ,
Осель, Волкъ, Лошадь, Быкъ, Лягушки?

Такъ какъ Пастухъ или Пастушки?

Нѣтъ эшаго не можеть быть;

Какъ могушь звѣри говорить?

И я Езопу не повѣрю,

Нѣтъ! говорить не можно звѣрю!

Баснь эша людямъ шѣмъ,

Которы *басни* лишь чипають;

Въ нравоученъе жъ не вникають.

Короче: эшо дѣшямъ всѣмъ (49).

Уродъ.

БАСНЯ V.

Ахъ милая кума, вскричала Магдалина,
Не знаешь ты, гдѣ я была?
У Люціи: она вѣдь родила
Съ ушами заячьими сына!
Теперь не выйдетъ на показъ;
И по дѣломъ ей, твари гордой!
Теперь не вздернетъ къ верху мордой!
Но это, кумушка, будь сказано межъ насъ;
Она вѣдь ужасъ какъ просила,
Чтобъ я о семъ не говорила,
Но отъ себя, мой другъ, что можно утаить?
Простилась, — и пошла Дорину навѣстить.
Уже съ Дориной говоришь
О балахъ, ленсахъ, объ уборахъ
И о другихъ подобныхъ вздорахъ
Почти болтаешь цѣлый часъ;
Но объ ушахъ ни полсловечка:
Терпѣнье чудное для женскаго сердечка!
Какъ будто кто сковаль языкъ ея въ пошъ разъ,
Но можно ль ожидать такого въ свѣтѣ чуда,
Чтобъ женщина могла стерпѣть отъ пересуда?

И Магдалина такъ, какъ водится у всѣхъ;

Спросила у Дорины въ смѣхъ:

„Что новаго? Давноль съ сосѣдкой молодою

Ты видѣлась? У ней, я слышала, сынокъ

Родился и — прекрасень, какъ божокъ!

Съ оленью ногою,

Съ ушами зайчыми и кошечнымъ лицомъ

И съ симъ словцомъ

Она съ Дориной распрощалась,

Кошорая ей общалась

О семъ секретѣ не болтала,

Но будетъ ли сама молчать?

Она секретецъ разглашаетъ,

И бѣгая изъ дома въ домъ

Пестритъ его и украшаетъ

Болтливымъ, женскимъ языкомъ.

Вездѣ по улицамъ кричали:

Какія времена настали!

Какихъ дѣшей рождаютъ намъ спали:

Съ ушами зайчыми и съ кошечнымъ лицомъ

Съ рогами,

Съ оленьими ногами,

Съ хвостомъ!

О семъ и Физіологъ свѣдалъ (бо),

Схватилъ скорѣе свой приборъ,

Отъ радости не дообѣдалъ,

Спиремглавъ лепилъ на Люцинь дворъ.

Но чтожь его тамъ видить взоръ?

Дитя, котораго краснѣе
Не скоро сыщешь у Царей!
Лишь были уши подлиннѣе,
Не такъ какъ у другихъ дѣтей.

* ~~~~~ *

Пороки и Наказаніе (51).

Б А С Н Ъ VI.

Пороки, сыновья свирѣпаго Дракона (52),
Не зная ни какой преграды и закона,
Задумали въ другой переселишься свѣтъ (53),
Чтобъ шамъ насыпиться, настроишь кучи бѣдъ.
Трава и зелень вся шамъ блекли, увядали,
Лѣса всѣ заросли, долины одичали,
Дороги змѣями, полнъ воздухъ смрадомъ спалъ,
Куда сей адскій родъ Драконовъ достигахъ.
Но вдругъ нечаянно узрѣли за собою
Преслѣдовавшаго съ великою клякою;
Всѣ громко начали кричать:
„Смошрите, какъ намъ въ посмѣянье,
Желаетъ ползая догнать
Презрительное наказанье!
Такъ не догонишь насъ, нѣтъ, нѣтъ!“
Бѣгите далѣе и сыпшесь по всюду,
Вездѣ, гдѣ будете, и я, хоть поздно — буду,
Быль наказанья имъ ошвѣтъ.

Самоубійца.

Б А С Н Ъ VII.

Дамонъ питаль любовь къ Плѣнирѣ,
Въ ней все блаженство находилъ;
Но какъ всегда налпротивъ (54) въ мѣрѣ,
Дамонъ Плѣнирѣ не былъ миль.
Напрасно онъ вздыхаль, томился,
Напрасно по ночамъ не спаль,
Напрасно рвался и крушился,
На вкусъ Плѣниры не попалъ.
Въ такомъ прежалкомъ положеньи
Не хочеть больше жить Дамонъ,
И въ сумазбродномъ ослѣпленьи
Убить себя рѣшился онъ!
Въ глазахъ жестокой вынулъ шпагу,
Любовь свою чтобъ доказать.
Узря жъ клинокъ — забыль опвагу
Вложилъ его въ ножны опяшь!

Поганыши и Сморчки.

Б А С Н Ъ VIII.

Поганышамъ Грибамъ случилось съ Сморчками

А не въ навозѣ жить,

Они и ну дуришь

Сморчкамъ давай смѣяться

Предъ ними надуваться

И такъ имъ говорить:

„Гдѣ вамъ

Сморчкамъ,

Равняться съ нами

Со именитыми Грибами!

Вотъ придетъ кто нибудь

Сорветъ васъ и изжаритъ,

Вашъ вѣкъ умалитъ;

На насъ же такъ никто не смѣетъ и взглянуть.”

На длинну эту рѣчь Сморчки такъ отвѣчаютъ:

„Поганыши ничуть насъ симъ не унижаютъ,

Но это дѣлаетъ намъ честь

Что люди насъ изволятъ ѣсть;

Намъ часто кушаютъ пастушки,

А васъ поганышей — лягушки (56)!

Моя же рѣчь:

Хоть господинъ вели васъ спечь,

Чтобъ вами насытитъ,

Такъ и тогда вамъ нѣчемъ похвалиться.”

Земля Хроныхъ.

Б А С Н Ъ IX.

Не знаю гдѣ, когда и какъ,
Была земелька небольшая,
Въ которой изъ согражданъ всякъ
Ходилъ хромая,
А шепеляя говорилъ.

Въ ней чужестранецъ проходилъ
И думалъ удивить походкою своею;
Но только лишь ступилъ

Во всѣхъ
Великій смѣхъ

Онъ произвелъ лишь ея.

Когдажъ онъ началъ говорить,
Чтобъ оправдать свою походку,
Во всю всѣ закричали глоску:

Какой чудакъ себя здѣсь хочетъ проявить!
Какъ мы, онъ ходя — не хромаешь!

И говоря — не шепеляешь!

Не трудно толкъ сей баснѣ дать,
Коль неосмѣнно толкъ дать должно:
Привычка намъ вторая мать,

Ее исправить невозможно.

Дубъ и Свинья.

Б А С Н Ъ Х.

И Свиньи не всегда такъ хрюкають, какъ свиньи,
А говорятъ онѣ подь часъ и по *Латыни* (56):

Легко я это докажу,

Коль анекдотъ одинъ про Свинью расскажу:
Свинья задумала однажды проходиться,

И прямо въ лѣсъ идетъ,

И думаешь, — авось ей тамъ случится

Наполнишь свой животъ.

И ненапрасно такъ *Хавронья* (57) полагала:

Лишь только въ лѣсъ она вошла

Подъ Дубомъ желуди нашла,

И съ апетитомъ кушашъ спала.

Досадно Дубу, что его,

Свинья плодъ славный пожираетъ;

А благодарности не знаетъ.

„Не спойшь ты вниманья моего,

Такъ наконецъ онъ къ ней вѣщаетъ,

О грубая и глупая Свинья!

Ты милостей моихъ ни чуть не понимаешь,

За вкусный плодъ, который ты съѣдаешь,

Не сморишь даже на меня.“

Ябъ вашей прелюбопытной чесши,

Такъ говорить Свинья въ отвѣтъ:

Отвѣсила поклоновъ двѣсти

За вкусный вашъ обѣдъ,

Когда бы вѣдала я почто,

Что вы бросаете *миѣ* желуди *нарочно*.

~~~~~

Поборъ ко двору Льва.

Б А С Н Ъ Х І.

По волѣ Зевсовой и волѣ всѣхъ боговъ,

Въ звѣриномъ царствѣ средь лѣсовъ

Изъ ада голодъ поселился.

Царь грозный Левъ ревѣлъ, а болѣе крушился,

И плакалъ добрый царь не разъ

О томъ, что бѣдна тварь страдаетъ.

Царь Левъ за Тигромъ посылаетъ

И отдаетъ ему приказъ:

„Чтобы мгновенно въ томъ же часъ

Найти возможные всѣ средства

Великій учинить запасъ

И Дворъ предохранить отъ бѣдства.“

Отправился Тигръ въ дальній путь,

Взявъ Кошку и Лису съ собою,

Мѣдвѣдь и Волкъ за нимъ бѣгушъ

И Медеянскій Песъ — стрѣлою!

Тигръ сборщиковъ глава, ихъ всюду размѣстилъ.

Данъ пищей взыскивать съ народа.

Вездѣ имъ ужасъ предходилъ,

Ихъ слѣдъ отчаянье, невзгода!

Порядкомъ дѣло шущъ пошло,

И бытъ иначе не могло —

Всегда порядокъ шамъ бываетъ,
Когда Указа смыслъ Тигрь сборщикъ выполняешь.

„Отдай Ягненка намъ, Овца,
„Тебѣ онъ въ тягость — что кривиться?
„А ты Корова дай намъ сладкаго мяса,
„И безъ него ты можешь обойтись.
„Отдай верблюды намъ свой горбокъ!
„Осели отдай намъ длинны уши!
„Пѣсукъ отдай намъ грѣбешокъ!
„Безъ нихъ спатнѣ ваши туши!

Такъ подданнымъ Царя Тигрь-сборщикъ говорилъ:
А между тѣмъ цыплятъ онъ забралъ у насѣдокъ;
Но какъ оставишь мать грѣшно одну безъ дѣтокъ,
Такъ онъ и матерей съ собою захватилъ!

Потомъ и на Слона изобразя

Безъ всѣхъ препонъ,

Поддался Слонъ,

И кровью Тигрь его роскошно услаждался.

Хотя страдала бѣдна тварь;

Но всѣ давали безъ роптанья,

Чтобъ былъ доволенъ только Царь,

Вотъ было каждаго желанье!

И лязялъ, чѣмъ было дорожишь?

Готовъ послѣднимъ всякъ служить!

Однако же шайкомъ, хошь многіе рыдали,

Но ихъ за множествомъ совсемъ не примѣчалъ.

Пустились наконецъ всѣ сборщики домой,

Во славный градъ сшолічный:

Обозъ за ними пребольшой,
Запасъ всему Двору приличный!..

Ужъ въ Резиденціи и слухи разнеслись,
Что прибылъ онъ и что его сложили.

Но чтобъ вы думали въ обозѣ семъ открыли?
Двѣ мыши и двухъ крысъ!

Филинъ.

Б А С Н Ъ XII.

Однажды потерялъ Павлинъ свою одежду,

Случись, найди ее Филинъ.

Нарядъ онъ не себя въздѣваетъ,

Свой носъ отъ этаго и пуще задираетъ,

(Въ худую мѣру на аршинъ)!

И птицъ всѣхъ ни за что щипаетъ.

Подобно низкому дай чинъ,

Иль въ плащѣ наряди богатое невѣжду;

Го и они такъ, какъ Филинъ,

Начнутъ щеславиться, кичиться,

Голкашъ, всѣхъ презирашъ, собою возносишься.

Возваніе къ Конямъ одного Коня.

Б А С Н Ъ XIII.

Друзья, поварищи! доколѣ
Носить вы будете яремъ,
Жить у разбойника въ неволѣ
И слушаться его во всемъ?

Не ужъ ли будущъ насъ во вѣки
Постыдно угнѣщать жестоки челоуѣки?^а
Въ конюшнѣ барской шакъ молодой ржалъ бодрый
Конь:

Къ свободѣ лошадей хотѣлъ подвигнуть онъ.
„Забудемъ рабство мы, свободу вспомняемъ,
Въ дремучіе лѣса въ пространны степи грядемъ,
И шамъ по прежнему въ блаженной тишинѣ,
Какъ въ вѣкъ златой, пастись однѣ
И жить какъ предки наши будемъ!
Забудемъ хищниковъ, тиранство ихъ забудемъ!
Покажемъ свѣту мы достойнѣйшій примѣръ,
Отъ власти варварской какъ должно освобождаемся!
Тогда конечно каждый зебръ
Начнешь обороняться,
И вольность древню сохраня,
Почтешъ всей славою почтеннаго Коня....

Явише лошади, достойными себя!

Чѣмъ хуже мы людей, — скажите?

Иль можете быть мы ихъ слабѣй?

Нѣтъ, мы ихъ въ сотеро сильнѣй! —

Такъ чтожь, товарищи, вы спите?...

Ее ужъ ли можете спокойно вы смотрѣть,

Какъ васъ съ презрѣньемъ запрягають,

Какъ мучають васъ и какъ сжегають?

Довольно Лошади! нѣтъ, нѣтъ,...

Нѣтъ больше силъ къ терпѣнью!

Свобода! нашъ сигналъ къ сраженью!

Не ужели еще кричаю я принужденъ,

Что больнось лучше, нежели лѣнь?

А дѣло правое пусть льются крови рѣки;

А здраствують Кони, и гибнуть челоѣки!"

Имъ кончилъ рѣчь четвероногій Цицеронъ, —

И съ благородствомъ каждый Конь

Свобода закричалъ — и началъ рвать удила....

Пусть всѣ препятствія превозмогла ихъ сила,

Имъ возвращень ихъ вѣкъ злапой (58),

Блаженство и покой.

Въ сей баснѣ люди — Галль, а лошади суть Нѣмцы;

Младый же, бодрый Конь,

Германскій Цицеронъ (59),

Котораго послушались соземцы.

Соловей и Скворецъ.

Б А С Н Ъ XIV.

Къ Студенту Соловью Студентъ Скворецъ
пришелъ

И закуривши трубку

Такую рѣчь повелъ:

Нашъ Грачъ, (который всё играетъ только въ дудку),

Какъ говоряшь,

Ужъ Кандидатъ!

Онъ шишый ворошникъ съ надменностію носитъ:

И больше выписокъ изъ лекціи не проситъ

А Ворону, когда не лгутъ,

Магистерскій Дипломъ дадутъ!

Еще же Аистъ нашъ Прозекторъ

Мнѣ нынѣ говорилъ: уже Кукушка Лекторъ (бо)

И будешь онъ Орда каведру занимать,

Который намъ читалъ Россійскую Словесность.

Вошь какъ достоинствеа цѣнятъ!

Вошь правосудіе, вошь честность!

Въ чины возводятъ Воробья;

А забываютъ Соловья!

„Онъ лучше хочешь, чѣмъ сказали,

Скворца такъ Соловей прервалъ:

„За чѣмъ ему въ Дипломъ отказали;

А не за что Дипломъ досталъ!“

Обманчивый даръ.

Б А С Н Ъ XV.

Въ прекраснѣйшемъ саду у входа,
Въ стихахъ, особеннаго рода,
Афишку приклеилъ хозяинъ для народа.
Въ Афишкѣ той
Быль смыслъ такой:
„Кого судьбой своей довольнымъ
Я въ эпомъ городъ найду,
Тотъ властелиномъ будешь полнымъ
Въ моемъ саду!“
Вотъ впрямь находка дорогая!
Прохожій прошепталъ:
Придешь же Барамъ мысль блажная,
Я даромъ садъ себѣ прекраснѣйшій доспалъ!
Поздравлю женушку я съ садомъ,
Бѣжишь къ хозяину прохожій на домъ
И внѣ себя, въ восторгѣ, говоритъ:
Позвольте *дарственну* мнѣ *записъ* получить (61)
Вы видите во мнѣ довольнаго судьбою
„Не можешь быть,
Ты льстишь себя надеждою пустою;
Хозяйскій былъ отвѣтъ:
Кто хочешь то въ своемъ владѣнн имѣшь,
Чѣмъ онъ еще не обладаетъ,
Довольнымъ тошъ себя напрасно называешь.

Конь Барскій и Кляча.

Б А С Н Ъ XVI.

Увидя Барскій Конь Клячонку за сохою,
Запрыгаль и заржалъ качая головою;
Потомъ, принявъ надменный видъ,
Предъ клячей спаль бодриться

И началъ говорить:

Клячонка, можешь ли ты эдакъ умудриться,
Чтобы подобно мнѣ такъ ловко танцовать?

— Молчи и не мѣшай пахать,

Смиренно Кляча отвѣчала:

Не будь на свѣтѣ насъ,

Тогда у васъ

Охоша бы плясать пропала.

И между нами есть премного сихъ Коней,

Что взыскивають все съ подвласныхъ имъ людей,

Гордятся передъ ними;

А только и живутъ крестьянами свдими.

Е з о л ъ (62).

Б А С Н Ъ XVII.

Езопъ игралъ съ дѣтьми въ орѣхи

Отвсюду колкости и смѣхи,

И даже брань и крикъ.

Мальчишка, ученикъ!

Такъ проходящіе кричали:

Глупецъ! педанты прибавляли.

Езопъ предолго брань терпѣлъ;

Но послѣ потерявъ терпѣнье,

Сказалъ такое изрѣченье:

За чѣмъ мнѣ не мѣшати бездѣлья между дѣль?

За чѣмъ съ невинными дѣтьми не забавляешься?

Соль слишкомъ лукъ тянутъ, онъ можетъ изломаться.

Мужъ.

Б А С Н Ъ XVIII.

Жена колечко получила
Не знаю точно отъ кого,
И какъ отъ Мужа не таила;
Но онъ провѣдалъ про него.
Спросилъ жену — она краснѣла,
Спросилъ у дѣвки — та блѣднѣла!
Тогда Мужъ вздумалъ замолчать,
Знашь всё, онъ вспомнилъ не годится,
Отъ эшаго бѣда случится,
И — Мужа какъ не оправдать.

Дубъ и Трость.

Б А С Н Ъ XIX.

„Нѣтъ не поддамся я Борею!“ Дубъ кричалъ:
А Трость съ молчаніемъ предъ вѣтромъ бьешъ
поклоны.

За то она стоить, а гордый Дубъ упалъ.
Дарю вамъ эту басню, о молодыя жены!
А вашимъ муженькамъ я дамъ совѣтъ другой:
Когда въ супружествѣ хотите быть щастливы,
Не будьте грубы вы, не будьте вы спропшивы,
Иль такъ сказать, брюзгой!

Слонъ и Книгопродавецъ.

БАСНЬ XX.

Зашель Слонъ мудрый въ книжну лавку;
За чѣмъ? не книги ли читать?
Когда не вѣрите, извольте сдѣлать справку,
Изъ Борри, Плинія вы можете узнать,
Сколь въ древности Слоны учены были (63):
Они по Гречески читали, говорили,
И славились большимъ умомъ!
На щепъ Слонова просвѣщенья
Во мнѣ ни мало нѣтъ сомнѣя,
И въ наши времена Французскимъ языкомъ
Премножештво звѣрей болшаютъ
И хорошо языкъ Французскій понимаютъ.
За чѣмъ же сомнѣваться намъ,
На Плинія не полагаемся,
Что мудрымъ будшобы Слонамъ
По Гречески не можно было изъясняться?
На щепъ учености Слона,
Когда Читатель мой увѣренъ;
Я Басню продолжать намѣренъ —
И вошь она (64):
Слонъ описаніе животныхъ опыскавши,
И со вниманьемъ прочитавши,

Съ начала долго хохоталъ,
 Потомъ такъ Книжнику сказалъ:
 „Лишь человѣкъ, краса еселенной!
 По утвержденію писателя сего
 Умомъ одинъ лишь одаренной;
 А въ прочихъ збѣряхъ нѣтъ его.
 Но естли вникнемъ въ сочиненье,
 Какъ сочинитель судить въ немъ;
 То можно сдѣлать заключенье
 Пренеошибочное въ томъ:
 Что Авторъ самъ и не умомъ,
 И не инстинктомъ управлялся,
 Которымъ насъ онъ всѣхъ дарить.
 И можноть, чшобы потъ и самъ не заблуждался
 И могъ бы начерпнуть
 Всѣхъ пцарей свойства справедливо,
 Кто собственну свою натуру знаетъ лживо?
 Смотрите, какъ онъ описалъ
 Постельную собачку ложно!
 Ахъ! сколько при дворахъ ей поучиться должно!
 Далеко отъ дворовъ собачій родъ опеталъ!
 А хитростямъ лисы кто спанеть удивляться?
 Ну можетъ ли она съ приказными равняться?
 Она передъ крючкомъ
 Осель осломъ.
 Льва, Тигра, Леопарда, Волка,
 За кровожадность всѣ клянущъ;
 И шутъ,
 У Авшора не много шолка;

Какъ будто люди межъ собой
 Живутъ душой одной!
 Добычею другъ другу не бывають!
 Подобно имъ, они другъ друга умерщвляютъ.
 Хозяинъ книгъ отъ эпихъ словъ,
 Пришелъ въ такое умиленье,
 Онъ предъ Слономъ былъ пасты готовать.
 Чтобъ изъяснить ему почтенье,
 Онъ скинулъ шляпу, къ мудрецу
 Съ улыбкой Ангела подходитъ
 И разговоръ шакой заводитъ,
 Какой приличенъ лишь купцу:
 Ахъ Государь Милостивѣйшій!
 Ужъ какъ менябъ ты одолжилъ,
 Когда бы *Ко.и.мунтарой* (65) злѣйшій
 На что *нибудъ* ты сочинилъ.
 Или изъ Греческой книжонки
 Нельзяли что *нибудъ* издашь?
 Я бъ вамъ хороши далъ деньжонки,
 Опинюдь не спалъ бы прижимать.
 Въ насмѣшку Слонъ Книгопродавцу,
 Наморщивъ длинный хоботъ свой,
 Такъ отвѣчалъ сему мерзавцу:
 Мнѣ нужды нѣшу никакой
 Въ твоихъ рубляхъ, пріятель мой!
 Храни ихъ для себя, да лучше будь умнѣе;
 Пустьъ люди на людей свой изливаютъ ядъ:
 Въ нихъ зависеть дѣйствуетъ сильнѣе,
 Чѣмъ ожиданіе награды.

Конецъ второй книги.

БАСНИ
КНИГА ТРЕТЯЯ.

Sollt aller Irrthum ganz verschwinden:

So wär es schlimm, ein Mensch zu seyn (66).

Gellert. Erstes Buch 27 Fab.

БАСНИ

КНИГА ТРЕТЯЯ.

О Д А.

Въ миръ Европы, превращенная въ баснь.
(*Огонь и Вода*).

БАСНЬ I.

Successus ad perniciem multos devocat.

Faedrus lib. 3. Fab. v. (67).

Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ.

Лом.

Оставимъ, муза, басни, сказки,
Положимъ дудку и гудокъ;
Просимъ-ка у Феба ласки
И купимъ лиру на часокъ,
Меновую, не дорогую:
Изъ денегъ взять на золотую?
Есть, золотая не по насъ;
Она громка, съ ней бѣдъ наспроишь,
Его нибудь обезпокоишь,
Тогда шолчка намъ дастъ Парнасъ.

*

*2

Припомъ же ежели случится
И худо на простой сыграть,
Ни кто со мной не побранился,
Всѣ скажутъ: онъ не виновать:
Не можно ждать прїятна тона
Отъ лиры сдѣланной изъ клена.
А ежели жь удастся намъ
Сыграть хотя не множко плавно,
Всѣ скажутъ: славно, славно, славно,
Тогда честь нашимъ головамъ.

И такъ ты Муза потрудися,
Воды Кастальской принеси,
Предъ Фебово лице явися (63),
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой въ лавку,
Двухъ мальчиковъ: Филипку, Савку,
Сшремглавъ я къ Рифмину пошлю;
Бышь можешь Рифмъ словарь исправный
Уже окончилъ Рифминъ славный,
Такъ я себѣ его куплю (69).

Я здѣсь всёмъ нужнымъ запасуся,
 стану перьевъ и чернилъ,
 въ свой темный погребъ опущуся
 и принесу вина бутылъ.
 чтобъ вкусъ Каспальской премѣнился
 и напитокъ рѣзвый превратился,
 пьющую воду я съ виномъ,
 выпивъ все, ужъ по-то Оду
 и честь брякну Рускому народу:
 и, не ударю въ грязь лицомъ!

*

Ужъ принесла воды мнѣ Муза,
 и давно вина принёсъ:
 пьемъ — выпьемъ, и — Француза
 искай колошить храбрый Россъ.
 Орфе строй мнѣ, Муза, лиру,
 что бы воспѣть миръ данный міру...
 какъ, какъ? — ты хочешь миръ воспѣть?
 Такъ Муза мнѣ въ отвѣтъ сказала,
 и въ изумленье продолжала:
 о, шебѣ ума конечно нѣтъ.

*

„Тебѣ ли миръ сей славословить,
„Тебѣ ли съ чадной головой,
„Когда Исторья не находитъ,
„Кому бы шрудъ вручить такой?
„Тебѣ ль — о дерзостно желанье!
„Тебѣ ль воспѣть сіе дѣянье?
„Когда и творческимъ умамъ
„Дано сему лишь удивляться,
„То какъ же за сіе приняться
„Тебѣ подобнымъ головамъ?

„Смотри: Державинъ (70), Горчаковы (71),
„И Дмишріевъ, и Карамзинъ (72)
„Капнистъ (73), Жуковский (74), Мерзляковы (75)
„Всѣ, всѣ молчашъ; — и ни одинъ
„На лиръ мира не бряцаешъ (76);
„То какъ смѣшно, когда желаетъ
„Его Масловичъ смѣлый пѣть!
„Не будь въ намѣреніи семъ шёрдымъ,
„Не мучь ушей ты людямъ добрымъ,
„Надъ Одой перестань потѣтъ!“

Изволишь правду, Муза, байшь;
Копя за лиру денегъ жаль;
Но что бъ себя не обезславить,
Не лучше ль бросишь эту шаль?
Примуся лучше я за дудку,
И вмѣсто грозной Оды — въ шутку
Людымъ Басенку скажу.
И рѣчью убѣжденъ пвоею;
Наставшись съ лирою моею,
Себѣ послушность окажу.

*

И такъ, Читатели почтенны,
Оставляю лирный шонъ;
Когда вы имъ неумоленны,
Скажу вамъ Басню про Огонь.
Но что бы гладко было, плавно,
Буду наблюдать исправно
Ной въ Одѣ начатый размѣръ.
Такъ баснь писать бы не годилось (77)
Но что же дѣлать? такъ случилось,
Черемѣннѣ нельзя шеперь.

*

Подъ старымъ дряхлымъ чернокленомъ,
Въ лѣсу забытъ былъ огонёкъ;
Онъ чутъ лишь плѣль и съ жалкимъ спономъ
Прервать собирался жизни шокъ.
Но вѣтеръ вздумалъ разыгаться,
Спаль на кулачки съ кленомъ драхся;
Онъ дѣда сильно такъ тузилъ
Въ бока и ребра, въ грудь и рожу,
Чшо съ черноклёна содралъ кожу,
Да сукъ въ добавокъ ошломилъ.

Сей сукъ, по щастью иль нещастью,
И вмѣстѣ съ кожей иль корой,
Спаль лѣсу цѣлому напастью:
Сей сукъ, для лѣса роковой,
На огонёкъ съ корой свалился:
Огонь въ минушю оживился,
Забыль супяга умирать,
Онъ думалъ, какъ бы поскорѣе
Да разгорѣхся по сильнѣе
И дряхлый черноклень сожрать.

Ужъ чернокленъ несчастный пышетъ,
Трещитъ и испускаетъ дымъ:
Огонь мой глухъ, его не слышитъ;
Онъ какъ бы, думаетъ, къ другимъ
Пожаловать деревьямъ въ гости.
Вдругъ началъ прыгать въ адской злости,
То шутъ, то тамъ, то вонь-гдѣ, здѣсь:
Зажжетъ то липу, ясень, лозу,
То ольху, дубъ иль вязъ, березу...
Короче жжетъ онъ цѣлый лѣсъ.

Тутъ дерзостямъ его препоны
Не находилось ни какой:
Онъ сжегъ деревьевъ миллионы!
И пушъ потомъ направилъ свой
На Села, Городки и Грады,
Все изтребляя безъ пощады.
Ахъ сколько птицъ, скота, звѣрей,
Отъ пламени его пропало!
И сколько чрезъ него не стало
Крестьянъ, Мѣщанъ, Дворянъ, Князей!

Онъ въ лютомъ буйствѣ всю вселенну
Хотѣлъ во пламень обратишь,
Преобразишь ее въ Геенну;
Къ рѣкѣ онъ издумалъ подступишь.
„Смирись, рѣкѣ, сказалъ надменно;
„Или погибнешь непремѣнно;
„Тебя по свойски проучу.
„Лишь только пастъ мою разину
„Тебя разстрою, опрокину,
„Въ ничтожество преобращу,

„А естли мнѣ явишь покорность,
„Наложишь на себя яремъ:
„Во мнѣ всегда найдешь гошовность
„Пещись о щастіи пвоемъ.
— Оставь, Огонь! слова надуты,
Такъ говоряшь лишь только шуты,
Словамъ такимъ цѣны здѣсь нѣтъ;
Рѣчей такихъ здѣсь не боясь,
Отъ сердца станушь имъ смѣяться:
Рѣка сказала иакъ въ отвѣтъ.

Огонь съ рѣкою тушь связался,
Онъ такъ ужасно грѣлъ рѣку,
Такъ быстро на нее бросался,
Что сдѣлалъ рану ей въ боку.
Вступилъ въ рѣчные онъ предѣлы
И въ сердцахъ спалъ пускалъ ей стрѣлы.
Узнавъ сосѣди вѣсть сѣю,
Вострепешавши изумлялись
И съ малодушіемъ сбирались
Запречь въ яремъ главу свою.

— Но былили чудеса шакія,
И кто, скажите мнѣ, видалъ,
Что бы глубокія, большія
И быстры рѣки огонь сжигалъ?
Рѣка, скопивши воды черны
И раздѣлаясь на многи волны
Надувъ обширный свой хребетъ,
Муштитъ, шумитъ, реветъ, буншуетъ,
Валишь — въ огонь съ презрѣнемъ плюетъ.
И что огонь? — его ужъ нѣтъ!

Рѣка, нашъ АЛЕКСАНДРЪ — опрада!
Но кѣжъ надменный сей огонь?
„Несытое исчадье ада,
„Чудовище — Наполеонъ (78)!
Которой *Бонькою* зовется (79);
На Эльбѣ мучится, трясется (80),
Что не сгубилъ людскій весь родъ,
Бѣснуется, не спитъ, скрежещетъ,
На всѣхъ косые взоры мещетъ!
„Такъ наказуешь злыхъ Господь!

А н ю т а.

Б А С Н Ъ II.

Хоть бѣдность не порокъ, однако мать поро-
ковъ (81);

Сіе докажемъ мы изъ опыта уроковъ:

Анюта дѣвушка смазливаго лица,
Лишившись матери и потерявъ отца,
Ужасну нищету она претерпѣвала;
Хоть цѣлый день она и ночь всю работала.
Нещастіе ея всѣмъ волокитамъ кладъ:
Ей козни разныя творяли подлипалы,
И Графы и Князья, Купцы и Генералы;
Сулили Аннушкѣ прекрасной тѣмъ наградъ,
Однакожь и отъ ней коѣ-чего желали!
Отъ Аннушки всегда былъ людямъ симъ оп-
казъ,

Родители ее во страхѣ воспитали.

Но бѣдности ль спастись порока отъ
заразъ?

Анюта здѣлалась больною

И по уши въ долгахъ; припомъ работы нѣтъ.

Пожертвовать собою

Едино средство ей, чтобы спастись отъ
бѣдъ.

Отчаянна и полумертва
Анюта, нищеты ужаснѣйшая жертва,
Соблазну поддастся:

Уже ее содержитъ Князь....

И Аннушка живетъ съ Сіятельнымъ роскошно!

И злато и жемчугъ, алмазы, изумрудъ,

Анюты украшаютъ грудь;

Но и въ богатствѣхъ жизнь ей пошна!

Того богатство не прельститъ,

Цѣной невинности его кто получаетъ;

Кто добродѣтель потеряетъ,

Ни чѣмъ ее не замѣнитъ!

Невинность, что себя на этомъ свѣтѣ краше?

Коль съ нами нѣтъ тебя,

Спокойствіе исчезло наше!

Кричитъ такъ Аннушка стена.

А между тѣмъ все болѣ, болѣ,

Въ развратѣ понетъ поневолѣ.

Но есѣли бы она,

Въ началѣ малое пріобрѣла наслѣдство,

Ее бы не постигло бѣдство

И не былабы она въ развратѣ вовлечена (*).

(*) Смолтр: въ концѣ прибавленіе къ примѣч :

Пчелка.

Б А С Н Ъ III.

Пчелка маленька лѣшала
Со цвѣточка на цвѣшокъ,
И съ жужжаніемъ вбирала
Въ свой желудокъ сладкій сокъ.

*

Пчелка! ты неосторожна,
Какъ Лизета говоришь:
Цвѣтъ сосать не всякой должно,
А въ ивыхъ цвѣтахъ сокрытъ.

*

Безъ тебя я это знаю,
Пчелкинъ Лизѣ былъ отвѣтъ;
А въ цвѣтахъ я оставляю,
А себѣ беру лишь медъ

*

Предопредѣленіе.

Б А С Н Ъ IV.

Извѣстно всѣмъ Исламской вѣры мнѣнью,
Которая гласитъ: что есть *опредѣленье*.
Еще и сей законъ въ сей вѣрѣ положенъ,
Чтобъ каждый Музульманъ почаще обмывался,
Позволено ему имѣть довольно женъ;
Но только чтобъ отнюдь виномъ не упивался.
Чтобъ много женъ имѣть, то Музульманъ хранить;
Не шрудень сей законъ, припомъ же спраспи
льспитъ.

Но чтобъ вина не пить — сего не сохраняешь;
И часто какъ Москаль, такъ Турокъ попиваетъ!

Вечерней разъ порой

Не помню имени, какой то Музульманинъ
Шатаясь шелъ домой.

Онъ былъ пьянѣхонѣкъ, какъ сущій христіанинъ;

Жаръ сильный чувствуя внутри

Хотѣлъ онъ прохладиться,

Пришелъ къ колодезю и выпивъ горсти три

Рѣшился пьяница шутъ спать расположиться.

(Служишь, коль ноги не хотятъ,

Вездѣ рѣшишься пьяный спать).

Храпѣлъ онъ два часа и болѣ

голову склонилъ въ колодезь по неволѣ.

Одна минута бы, и Турку — утонуть!

Но къ щастью Грекамъ двумъ идши случилось
тутъ.

Они его спасають.

И говорятъ ему: иди домой дружокъ,

чтобы родня твоя не обвиняла Рокъ (82).

И Турки лишь одни бѣду на Рокъ слагають.

* ~~~~~ *

Ястребъ и Птицеловъ.

Б А С Н Ъ V.

За голубемъ однажды Ястребъ гнался,
Но голубь улещѣлъ; а шось въ силки попался.
„О пощади меня! — шакъ Ястребъ закричалъ,
Когда увидѣлъ Птицелова;
Вѣдь ни чего тебѣ не сдѣлалъ я худова.“
И Голубь никогда себя не обижалъ,
Охотникъ отѣчалъ злодѣю,
И послѣ оторвалъ ему достойно шею.

Риѣмачѣ и Смерть.

Б А С Н Ъ VI.

Одинъ Риѣмачъ имѣлъ квартиру у кладбища,
Онъ часто зришелемъ былъ славныхъ похоронъ;
Такія зрѣлища всѣмъ Риѣмотворцамъ пища,
Есть случай помѣспить имъ въ Одѣ ревъ и спонъ,

И рева своего въ замѣну

Подъ случай получишь хорошенькую цѣну;
То какъ имъ бѣднымъ не ревѣшь,
Коль могутъ выплакать они себѣ обѣдъ?

Въ обѣденну однажды пору

Имѣлъ мой Риѣмоткачъ прекрасный апешить,
Но хлѣба нѣтъ куска и не зачѣто купить!

Вдругъ предстаешь его внимательному взору

Умерша дѣвушка богатаго отца,

Которую для радости пѣвца

Несли похоронить на гору (83).

Риѣмачъ въ восторгѣ! — будетъ сытъ!

Сспремглавъ ко гробу онъ бѣжитъ.

Экспро.м.тумъ (84) слезный произноситъ,

И въ немъ Смерть люшую поносить:

„Цвѣла и - нѣтъ!

„Вотъ жизнь и смерть!

„О Смерть! — лишь на до мной ты наруташься
можешь,

„Но ни жены моей ты, ни дѣтей не сложишь —

„Клянусь тебѣ, что я въ семь мѣрѣ не женюсь!“

— Ты правъ, я надъ женой швоей не посмѣюсь;

Куда тебѣ женишься?

Кто эдакимъ вралею прельстится?

Такъ Смерть поэта прервала:

Но надъ дѣтьми — (хотя и не стараюсь),

Твоими, я давно ругаюсь! —

Дѣтьми она его шворенъ назвала.

Голубь и Воронъ.

Б А С Н Ъ VII.

Мальчишка грязю на Голубя бросаль
И перья бѣлыя ему онъ замараль.
Сѣ увидѣвши сказалъ ему такъ Воронъ:
Теперь ты, Голубокъ, какъ всѣ Вороны, чорень!
Но съ тѣмъ различіемъ прибавилъ Голубокъ;
ы черны за всегда, а я лишь на часокъ.
Те добродѣтель ли намъ Голубь представляешь,
пощорую марать злорѣчіе желаешь?

Миронъ Поэтъ.

Б А С Н Ъ VIII.

Подъ новый эпошъ годъ отъ друга вечеркомъ

Я по *Литейной* шель пѣшкомъ (85);

И только съ домомъ лишь Мирона поравнялся,
Какъ изъ окна его ужасный ревъ поднялся.

Я тотъ часъ догадался,

Что Оду написать собирается Миронъ.

Когда воспорга жаръ Поэтъ сей ощущаетъ,

То ревомъ всѣхъ тогда людей, жену пугаетъ!

И будь морозъ тогда, окно раскроетъ онъ,

Чтобъ стихотворный жаръ скорѣе выгнать вонъ.

Онъ самъ не радъ ему, пеняетъ на природу,

Что жаръ въ него лѣетъ сильнѣе годъ отъ году.

И подлинно, чѣмъ болѣе онъ спаръ,

Тѣмъ болѣе его ушробу мучитъ жаръ,

И больше въ немъ писать желанья!

Такая жизнь, не жизнь — спраданье!

Тогда, когда всё въ домѣ спишь,

А бѣдный нашъ Миронъ, надъ Одою корпншь.

Что дѣлать? — Намъ нельзя преодолѣшь натуру.

Я любопытствуя, а можетъ быть и сдуру, —

Рѣшился бѣшый часъ на холодѣ стоять

И слушать, что начнетъ Миронъ нашъ сочинять!

Раздался въ комнатѣ Поэша громкій голосъ,
 Миронъ былъ красенъ, словно ракъ,
 Той дыбомъ становился волосъ,
 Когда онъ Оду началъ такъ:

О Д А!

1817 года.

Всепъ полночь — *Новый Годъ* нисходитъ,
 Въ восторгъ Поэшовъ всѣхъ приводишь
 Творящихъ бѣздну *новыхъ* Одъ,
 Рологовъ *новыхъ*, драмъ *новѣйшихъ*,
 Осланій *новыхъ*, Сапиръ злѣйшихъ,
 Тебѣ, тебѣ, о *Новый Годъ*!

уда ни обращаю я взоры,
 ездѣ тебѣ поюся хоры,
 ездѣ курился Фиміамъ;
 Пустъ не зовутъ меня Поэшомъ,
 Когда я, *Новый Годъ*, съ разсвѣшомъ
 Не воспую тебя и самъ.

Д якакъ скорѣй перо въ очинку,
 Авось я въ *Новый Годъ* новинку
 Нечаянно произведу.
 Безъ Музъ, Парнасса, безъ Паллады (86),
 Начну писать я безъ пощады;
 Чернилъ премного изведу.

Какая нужда до чернила?
Былабъ лишь творческая сила,
Иль просто Стихотворный вздоръ;
Не только съ *Новыми* Годами,
Со всѣми справляюсь временами,
Стихи пишу я слишкомъ скоръ.

Набрать умѣю рѣмы, стопы,
Фигуры знаю всѣ и пропы,
Риторика извѣстна мнѣ;
А о поэзи что и баить:
Давно успѣлъ себя прославить,
Стихами брежу и во снѣ.

Что даръ имѣю стихотворный,
Сему есть опыты безспорны:
Громады книгъ трудовъ моихъ!
Трагедїи, посланья, басни,
И разны стихотворны шашни;
А особливо Одъ большихъ!

Какія Оды есть духовны!
Сомнѣнья нѣтъ, что я Верховный
Поэзии Россійской Жрецъ!
Опличны всѣ мои творенья
Не разъ имѣли честь писанья,
Такъ я ли, я ли, не пѣвецъ?

И такъ, семнадцатый Годъ *Новый*,
Плещу тебѣ вѣнокъ лавровый;
Ты въ вѣчности не пропадешь,
Людскими менѣ дѣлами,
Моими болѣ спихами,
Какъ кринь въ вѣкахъ ты процвѣтешь.

Вотъ какъ подъ Новый Годъ Миронъ
Годъ Новый силился безщадно славословить;
Ахъ! вѣрно не престанетъ онъ
Себя и бѣдныхъ насъ до смерти беспокоить.

Саксонскій Мужикъ.

Б А С Н Ъ IX.

Карль Готфридъ Робертъ Эфраимъ,
Сѣи бы имена дасть можно чешверымъ,
Но такъ одинъ мужикъ Саксонскій назывался.
Однажды съ сыномъ и женой
Въ день праздничный — зимой
Онъ басни Геллерта (87) читалъ и восхищался!
Въ иныхъ онъ басенкахъ смѣялся,
Въ другихъ же находилъ полезнѣйшій урокъ:
Женѣ — чтобы имѣть короче язычокъ,
Ребятамъ — матери, отцу повиноваться,
А для себя — въ корысть и скупость не вдаваться.
Вотъ какъ Саксонски Мужики
Воскресны дни проводятъ!
И, какъ Москаликъ, въ кабаки
Не ходятъ,
Чтобъ шамъ буянить, горло драсть,
Свое здоровье ~~потеря~~ть.

Богатый и Бѣдный.

Б А С Н Ъ Х.

Какой невѣжа ты, Евсей!
Какъ говорилъ Богачъ Евсею,
Какъ выдашь *лѣтъ* пятьдесятъ рублей
Послѣднѣе на Лотерею.
Бѣдъ это братецъ все равно,
Что бросить ихъ въ Неву на дно;
Невы рублями не запрудишь!
Когда уменъ Евсей ты будешь?
Ужъ шо-шо вы мнѣ, бѣдняки!
Всегда на щастіе, кричите;
Анъ, какъ посмотришь — дураки
Вы сами денегъ не хотите!
Лишь заведися деньгура,
Начнутся прихоти, зашѣи,
То Клубъ, Театръ, то Вечера,
То Маскерадъ, то Лотереи (88).....

На сей привѣтъ,
Сказалъ Евсей Богачу въ отвѣтъ:
Пожалуй вы меня щипайте за невѣжду,
А я купилъ себѣ — надежду.

Король Альфонсѣ (89).

Б А С Н Ъ XI.

Альфонсѣ, (на берегахъ владѣвшій Тага (90),
Который мудрымъ прозванъ былъ
Не потому, что бы творилъ
Щасливыхъ подданныхъ и жилъ для блага,
Иль точно былъ умнѣ;
Но по тому что былъ ученѣ.
Онѣ слылъ особенно искуснымъ Астрономомъ.
Сѣ ушра до вечера былъ занятъ небосклономъ,
И такъ любилъ пристрастно небеса,
Что даже одного не находилъ часа
Заняться царскими дѣлами.
Бывало ославлялъ совѣтъ
Для наблюденія затмѣнья иль кометы!
Однажды вечеромъ, бывъ окруженъ льстецами,
Король любимцевъ увѣрялъ,
Что онѣ дослалъ
Такіе инструменты,
Что уповаешь на Лунѣ.
Черезъ свои эксперименты,
Открышь, не крапинки однѣ,
Но много правъ, звѣрей, растений и букашекъ,
Различныхъ рыбъ и пшашекъ

И царства многія людей (9)!
Сказавъ сіе, схватилъ онъ трубку
И сталъ разсматривать луну свою голубку!
Во время *обсервацѣи* сей
Дерзнулъ приблизиться къ Альфонсу смѣлый нищій
И докучать ему о пищѣ.
Но Королю не до него,
Не оставляетъ онъ занятъя своего!
И на Луну смонирѣтъ прилѣжно продолжаетъ,
Чтобы на ней
Найши людей!
Бѣднякъ же къ Королю и пуще приступаетъ.
Всѣ голяки,
Большіе смѣльчаки!
И сей не обрѣтя въ Альфонсѣ сожалѣнья
Вдругъ закричалъ къ нему безъ всякаго почтенья
Альфонсъ! тебя послалъ къ намъ Богъ
Не съ тѣмъ, что бъ бышь Царемъ *воздушнымъ*;
Твой на земли священный долгъ
Бышь подданныхъ отцемъ, и бышь великодушнымъ!

Истина и Учивость.

Б А С Н Ь XII.

Однажды Истина Учивости сказала:
Какъ ты обманчива съ личиною своею,
Имѣешь медъ въ устахъ, а въ сердцѣ ядъ и жало:
Вопь ласки, коими проводишь ты людей!
„Напрасно ты меня Сестрица такъ ругаешь.
Упрекамъ (признаюсь) швоимъ дивлюся я!
За чѣмъ съ предательствомъ учивость ты
мѣшаешь?

Мы только съ нимъ друзья.

Овенъ и Песѣ.

Б А С Н Ъ XIII.

Не знаю именно я, въ городѣ какомъ,
Въ Черкасскѣ ль, Харьковѣ, въ Екатеринославѣ,
Въ Черниговѣ, или Полтавѣ,
Песѣ разговоръ завелъ съ Овномъ,
Иль лучше Псомъ Овенъ достойно укорялся:
Какъ можно вамъ шакъ низкимъ быть,
Позволишь Мяснику, чтобъ вами онъ ругался,
И что бы смѣлъ онъ васъ и рѣзать и душишь!
Какъ быть безъ гордоспи, безъ меспи,
О собственной не думаешь чеспи,
Дать волю Мяснику обидѣ вамъ дѣлать двѣспи!
Баранъ укоры Пса довольно понималъ,

Вздыхалъ

И взоръ пошупя въ низъ — молчалъ.

Мясникъ — Подьячье, Песѣ Нѣмецъ; а Бараны (92)

.

Дубъ и Садовникъ.

Б А С Н Ъ XIV.

Передъ дверьми оранжереи
Съ кудрявой Липою стоялъ Дубъ матерой.
Имъ не понравились Садовника заѣѣи;
Что онъ вечернею и ушренней порой,
Лишь безполезныя колючки (93) поливаетъ;
А ихъ бѣдняжекъ презираетъ!
Въ досадѣ Дубъ, Садовника спросилъ:
Скажи пожалуста, за что сѣи растенья,
Негодны для употребленья,
При томъ колючїя!... за что ты полюбилъ?
„За что?... Какой вопросъ престранный,
Вы здѣшнїе, а шо Релейникъ чужестранный!

Встрѣча Богатаго съ Евсеемъ.

(Въ послѣдній день розыгрыша Лотереи).

Б А С Н Ъ XV.

*Nil habet infelix paupertas durius in se,
Quam quod ridiculos homines facit.
Juvenal.*

„Ну что Евсей, вѣдь Лотерею
Сего дня кончашъ, говоряшъ?
Я о тебѣ мой другъ жалю —
Пропали даромъ *пятьдесятъ!*
А пятьдесятъ рублей не шутка,
Ты самъ любезный согласишь:
Хоть *въ обезлѣченъе желудка,*
Такъ дней бы на *сто* годились! —
А всё жену свою послушалъ,
Вѣдь я тебя остерегалъ?
Теперь же горькій грибъ ты скушалъ!.....“
— Что дѣлать! Такъ Евсей сказалъ:
Богатымъ весело надъ бѣднымъ
При каждомъ случаѣ шрунить.
Но если мой билешь *послѣднимъ* (94)
Сего дня вынушь, можешь быть!
Тогда — Жена моя богачка!.....

„Да у тебя, Евсей, горячка!
Тебя бы въ жолтый домъ запрягать Чудака!

Съ симъ словомъ отошелъ Богачъ отъ Бѣдняка.
Евсей же, нашъ Фантастъ, широкими шагами
Черезъ Исакій мостъ на Биржу поспѣшалъ.
„Что станешь дѣлать съ бѣдняками!

Богатый самъ себѣ сказалъ:
У нихъ вся жизнь, — какъ сонъ вчерашній!
Авось! И строятъ Шлански башни!

Зевесъ и Миносъ (95).

Б А С Н Ъ XVI.

Миносу, своему любезнѣйшему сыну,
Зевсъ предложилъ вопросъ:
Повѣдай мнѣ, Судья Миносъ,
Всѣхъ немощей людскихъ причину?
Скажи мнѣ, отъ чего едва находишь Адъ
Мѣста грѣхолобивымъ?
Какой изъ всѣхъ пороковъ гадъ
Иъшаетъ смертному быть добрымъ, справед-
ливымъ?
Не полагаешь ли причиной интересъ,
Не отъ неголь они ввергаются въ соблазны?
хъ! нѣтъ, не отъ него, Судья шакъ произнесъ;
Но отъ того, что люди лраздны!

Дурилъ и Лоръ.

Б А С Н Ъ XVII.

Дурилъ, узря при смерти Лора,
Ему такъ началъ говорить:
Дружокъ! не лѣзали возвратить
Взяшые у меня шобой два Луидора?
Оставь меня спокойно умереть,
Отъ Лора слабый былъ отвѣтъ.
„Не слушаю сего я вздора,
Пустое брань, пустое лжешь!
Отдай мои два Луидора,
Или ты прежде не умрешь.“

Какъ тяжело! когда долгами заведешься:
Отъ нихъ и смертию ни какъ не отобьешься!

Быкъ и Корова.

Б А С Н Ъ XVIII.

„Ахъ! какъ судьба твоя сурова!

Сказала такъ Быку Корова:

„Ты день и ночь въ трудахъ,

„И чуть заря опять потѣешь на работѣ;

„Какъ между тѣмъ я на лугахъ

„Пасуся по своей охотѣ!“

Въ день ведутъ Корову въ Зевсовъ храмъ,

бы принесъ ее Юпитеру на жертву.

А Быкъ ее унылу, полумертву

Съ своей холодной волей:

„Какъ не завидовать твоей, Корова долѣ?

Тебя ведутъ на пиръ къ богамъ, —

А я же работаю опять погоняю въ поле.“

Пификъ и Лисица.

Б А С Н Ъ XIX.

Ну! назови ты мнѣ какую хочешь птицу
Иль звѣря, коемубъ не могъ я подражать?
Такъ Пификъ вопрошалъ Лисицу:
А ты мнѣ можешь ли назвать,
Хотя не звѣря, поросенка,
Которой бы хотѣлъ тебя перенимать?
Сказала такъ въ отвѣтъ Лисенка.

Волкъ въ пастушѣмъ нарядѣ.

Б А С Н Ъ XX.

Лишь только скрылся дневный свѣтъ,
Здумалъ ужинъ Волкъ имѣть.
В пастушье платье нарядился,
Широкой шляпою покрылся,
Палашъ и посохъ и свирѣль
В лапы задни лапши вздѣлъ,
Вѣсилъ на плечо баклагу,
Овцамъ изъ лѣсу даль онъ тягу.
Что же? — Вошь ужъ онъ и шамъ,
Какъ прилично всѣмъ ворами,
Всѣ стороны озирался.
Знавъ что три собаки спяшъ,
Что пастухъ съ женой заспался,
Онъ спадомъ могъ распоряжашъ;
Такъ нѣтъ, еще шуткаришь нада
Тѣмъ овецъ бы глупыхъ бѣтъ,
Онъ вздумалъ разговоръ завести,
Чтобъ кой что распросить у спада.
Но только лишь разинуль ротъ,
Какъ вдругъ буянъ, разбой, отлѣтъ
Проснулись и схватили Волка!

Въ нарядѣ онъ бѣжать не могъ:
А между тѣмъ пастухъ Николка
Свалилъ его дубиной съ ногъ.

Къ сей басенкѣ нравоученья,
Я не намѣренъ приложить,
У Ломоносова прощенья
Хочу предъ всѣми попросить.
Россійскій Пиндаръ, Ломоносовъ (96)!
Хвала и слава славныхъ Россовъ,
Учитель нашъ и образецъ!
Прости, что смѣлъ я напроказить,
И баснь прекрасную твою
Украсть и такъ обезобразить!
Прости провинность мнѣ сѣю.
Я баснь твою укралъ для щету,
Къ моимъ одной не достаешь.
Своя мысль въ голову нейдетъ,
Хоть я довольно пролилъ поту!
И послѣ выбившись изъ силъ,
Осмѣлился — смѣльчакъ! рѣшиться,
За баснь твою чѣмъ ухватишься,
Что въ точности и учинилъ.

Конецъ третьей книги.

Б А С Н И

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ (97).

Von einem Baume brach ein Leckermaul
Ein Birnlein, dieses war von Innen faul;
Nun haut den Baum er um, sammt vielen guten
früchten. —

O möchte die Kritik nie so ihr Amt verrichten (98)!
J. F. Castelli. 1 Fabel.

Другу моему

С. П. Любарскому.

Прочти, Любарскій, въ часъ досуга
Въ кругу своей семьи,
Ты этакъ басенки мои,
Для свѣта вздорныя, но памясны — для друга!

Б А С Н И.

К Н И Г А Ч Е Т В Е Р Т А Я.

Солнце и Пыль.

Б А С Н Ъ I.

Тебя я Солнце помрачила,
Отъ вѣтра Пыль поднявшись говорила.
Не прекословлю въ томъ, былъ Солнца ей отвѣтъ:
Но вѣтръ пройдетъ и Пыль на землю упадешъ.

Два Плуга.

Б А С Н Ъ II.

Въ сараѣ Плугъ одинъ лежалъ,
Весь въ ржавчинѣ, заросшій весь правою.

Другой же, какъ стекло сіялъ:
Сіянію сему труды его виною.

Левъ и Волки.

Б А С Н Ъ III.

Въ переднюю ко Льву пришелъ съ прошеньемъ
Бобръ;
Тутъ Волки, слуги Льва, Бобра едва не съѣли!
Но вышелъ Левъ, и Волки присмирѣли.
Рабы лишь часто злы, а Господинъ ихъ добръ.

Посолъ Смерти.

Б А С Н Ъ IV.

Отправитъ въ Мѣръ Посла Богиня Смерть желала,
Явились къ ней: любовь, горячка и война....

„За чѣмъ же Доктора нѣтъ съ вами?“ Смерть
сказала.

Заслуга истинна скромна!

Мотылекъ и Червякъ.

Б А С Н Ъ V.

„Прочь, прочь, презрѣнное творенье!“
кричалъ на Червяка надменный Мотылекъ:
Червякъ же даль отвѣшъ: — „„Попише, мой
дружокъ!
вспомни напередъ свое происхожденье!“ “

Корабль безъ Руля.

Б А С Н Ъ VI.

(Б — съ, С.... Н..... С.....)

Корабль безъ Руля носило волнами. ...
Онъ вскорѣ разбился въ щепу межъ скалами!
Софія! — жизнь — море; а мы — Корабли;
Разсудокъ и Разумъ сушь — наши Рули.

Пустая Береза.

БАСНЬ VII.

Сынъ.

Взглянише Батюшка, Береза вѣдь пуста;
Но не смотря на то цвѣтѣшь и зеленѣешь!

Отецъ.

Изъ Господчиковъ не всякій мозгъ имѣешь;
Между тѣмъ имѣюшь всѣ, лѣста!

Добродѣтель и Порокъ.

Б А С Н Ъ VIII.

Порокъ вскричалъ: „Я на земли владѣтель!“
„А я на Небесахъ!“ „Сказала Добродѣтель.
И такъ Душа безсмертна избирай:
Ошверсша дверь и — въ Адъ, и — въ Рай!

Дубъ и Трость.

Б А С Н Ъ IX.

Дубъ не хотѣлъ смириться предъ Австеромъ (99);
Трость отвѣсила земный ему поклонъ.
Но она расшешъ, Дубъ вырванъ съ корнемъ
бонъ.
Трость будешъ эша Трость вамъ женщины при-
мѣромъ.

Золото.

Б А С Н Ъ Х.

„О какъ неблагодаренъ Свѣтъ!
„Я всѣмъ благошворю, меня же всѣ ругаютъ;
„Кричатъ: что Золото, причиной зла и бѣдъ!
„А дѣло въ томъ: меня не такъ употребляютъ.

Плотина и Потокъ.

Б А С Н Ъ XI.

За чѣмъ прошекаешь съ журчаньемъ долину?“
Сказала Плотина Потокѣ, — „позволь
мнѣ для пользы твоей же, сдержашь мнѣ стремнину.“
Потокъ — есть Народъ; а Плотина — Король.

Великій Лъстецъ.

Б А С Н Ъ XII.

А. Что дѣлаешь ты здѣсь и думаешь о чемъ?

В. Я разсуждаю самъ съ собою,

А. Побереги себя, иль быть тебѣ съ бѣдою:
Съ великимъ ты бесѣдуешь лъстецомъ!

Скорбь.

Б А С Н Ъ XIII.

Въ Собраніе Боговъ съ улыбкой Скорбь явилась!...
Тутъ богъ Веселія, замѣшилъ ей слегка:
Скажи мнѣ отчего, ты вдругъ перемѣнилась?
„Мнѣ удалось слезу спереть у бѣдняка.“

Любовь и Дружба.

Б А С Н Ъ XIV.

Лизеша въ домъ къ себѣ Амура не пускала,
И онъ бѣдняжка, безъ умолку рыдалъ!
„Надѣнь мой клѣкъ,“ его такъ Дружба подучала:
„Тогда навѣрное ты въ домъ ея попалъ!“

Мечта.

Б А С Н Ъ XV.

„О чудо, какъ мила жена моя Нашалья!“

Такъ увѣрялъ знакомыхъ Филимонъ:

„Какой рожокъ, глаза, какіе зубки, палья — “

Она жъ не хороша, но мужъ въ неѣ влюбленъ.

Два Колоса.

Б А С Н Ь XVI.

Первый Колось.

Ты весь наполненъ семенами,
А я хоть Колось и пустой,
Да ты же гнешься предо мной!

Второй Колось.

Нерѣдко, должно гнуть спину и — предъ глупцами.

Оцѣненная Любовь.

Б А С Н Ъ XVII.

„Марьяна тщетно увѣряешь
Меня въ любви ты своей!
Вѣдь ты любовью называешь:
Желанье десяти рублей!“

Молодой Ясень.

Б А С Н Ъ XVIII.

Нагнулся Ясень молодой,
Садовникъ на сѣе не обратилъ вниманья,
И выросъ бѣдный онъ весь въ сучьяхъ и кривой.
Вотъ слѣдствія худаго воспитанья!

Магистръ.

Б А С Н Ъ XIX.

Отъ рѣзвосты дѣшей, съ досады,
Одинъ Магистръ, такъ говорилъ:
Я могъ бы править цѣлы грады —
Но съ вами справись нѣшь силь!

Т и г р ъ.

Б А С Н Ъ XX.

Тигръ Предводитель войскъ, служившій долго
Льву,
Спаль наконецъ слабѣшъ и къ дряхлости клонисься.
Тутъ онъ къ снопамъ его повергнулъ Булаву.
Искусство: во время умѣшъ остановиться.

Э п и л о г ъ.

Довольно, поопустимъ струны,
Тора на время замоллашь:
Не станемъ болѣе перуны (100)
На слабости людей бросашь.
Мы всѣ имѣемъ недоспашки,
И гордость, глупость, интересъ,
За наши не смошря нападки,
Имѣшь всегда свой будущъ вѣсъ.
Въ чему же попусту спараться
Вердить про истину и честь,
Когда съ спрастѣми нельзя расстаться?
Оставимъ свѣтъ, каковъ онъ есть.
Пусть все идешь своей чредою:
Тому охота — потѣ пиши;
И ошправляюся къ покою,
Вести дни съ дружбою — въ глуши!
Но скажешь мнѣ: нѣтъ дружбы въ мірѣ.
Согласенъ, спорить не хочу;
И между нѣмъ къ моей Плѣнирѣ
Въ Гіевку завтра ускачу (101)!

Конецъ четвертой и послѣдней книги.

ПРИМѢЧАНІЯ (102).

(1) Многіе знаменитые мужи писали въ семь родѣ, но никогда можешь быть, въ одно и тоже время, не было такого большаго числа Писателей, (замѣчаетъ Баронъ Стасартъ), которые бы достойно опличались въ басняхъ, какъ нынѣ во Франціи. По чему я и не смѣю не помѣстивъ здѣсь именъ: Гг. Арно, Лебальи, Трамбуля, Каза, Госса, Грена, Гюбена, Жофре, самаго Барона Стасарта, Гж: Жоливо, Франциска Нефшательскаго и Витталиса. Ученый свѣтъ недавно потерялъ Женгена, коего бо Апологовъ опличающся оригинальностію, и, не смотря, что басни его по большей части суть подражанія Италіанскимъ баснописцамъ, но онѣ ставяшъ его выше Ламотта, Лемоньена, Нивернуа и даже самаго Оберта, но ниже Флоріана. О семъ подробно изложено въ Опытѣ моемъ о Баснописцахъ, который въ продолженіи двухъ лѣтъ выйдешъ въ свѣтъ, ежели обстоятельствва не воспрепятствуютъ. Не знаю нужно ли здѣсь прибавить, что и у насъ многіе изъ современниковъ славяща въ семь родѣ стихотвореній.

2) Кто не знаетъ въ Россіи Волтера? Не спану здѣсь распространяться о семъ единственномъ человѣкѣ; а предскаваю одно только замѣчаніе, которое приводитъ объ немъ Г. Арно въ своихъ басняхъ. „Волтеръ удивительнѣйшій Ге-

яй изъ всѣхъ до нынѣ существовавшихъ. Онъ все то совершилъ, что Аристоель только со-
сѣтывалъ. Греческій Философъ далъ на все пра-
вила, Французскій же оспазилъ во всемъ образцы.
Творенія его, составляютъ полное собраніе всего,
касающагося до Поэзіи, Литтературы и Филосо-
фій. Многіе вѣроятнѣе съ нѣмъ намѣреніемъ же-
стоко возстають на память великаго сего му-
жа, преувеличивая его недостатки, его заблу-
жденія; ибо онъ не былъ изъяснѣ оныхъ, и сокры-
вають, сколько имъ возможно, безчисленныя гра-
соты, разбросанныя въ твореніяхъ его по всѣмъ
родамъ, дабы чрезъ то ушѣшить другія націи
завидующія намъ, что не у нихъ подобный чело-
вѣкъ родился! Неужели слава Волтера для на-
падателей его не составляетъ славы народной?
Наступило время, въ которое должно согласить
мнѣнія, о столь великомъ предметѣ. Какой бы
кто партіи ни былъ, но не можетъ требовать,
чтобы все было превозносимо или порицаемо въ
Волтерѣ. Вѣра не изгоняетъ вкуса. Будемъ добры-
ми Христіанами, но останемся также и добрыми
Французами.“ Хотя таковой отзывъ о Волтерѣ
нѣсколько жарокъ, но не менѣе того справедливъ.
Онъ показываетъ, что Г. Арно, нынѣ извѣстнѣй-
шій Французскій Стихотворецъ, пламенѣя любо-
вію къ своему отечеству, гордится истинною
славою своихъ согражданъ.

Расинъ родился въ 1639 году, умеръ въ Па-
рижѣ въ 1699. Трагическій Французскій Сти-
хотворецъ. Онъ воспитывался въ Портъ-Роялѣ,
и до такой степени восхищался Трагедіями Со-
фокла и Еврипида, что на пролѣтъ просиживалъ

за ними дни и ночи и училъ ихъ на изуесть. Онъ въ совершенствѣ обладалъ даромъ чтенія, и когда сочинялъ стихи свои, то всегда съ жаромъ произносилъ оныя. Однажды прохаживаясь въ Тюльери и мысленно составляя планъ для одной изъ своихъ Трагедій, *Расинъ* вдругъ окруженъ былъ ремесленниками, которые кинувши работы свои, слѣдовали за нимъ, принявъ его за человека отчаяннаго, идущаго утопиться въ Бассейнъ! *Расинъ* показалъ однажды Корнелю Трагедію свою *Александръ*; Корнель хотя похвалилъ ее, но въ тоже время не совѣщывалъ ему заниматься Драматическою Поэзіею, находя что родъ сей ему не свойственъ. Однако же нѣ умѣлъ, говорить Буало,

„Surpasser Euripide et balancer Corneille.“

Иабрюеръ, сравнивая двухъ сихъ Трагиковъ пишетъ: что *Корнель* представляетъ людей такіхъ, каковыми они быть должны; а *Расинъ*, каковы они суть. *Расинъ* въ сочиненіяхъ своихъ вездѣ одинаковъ; послѣднее произведеніе его *Атталія* не только не слабѣ первыхъ его Трагедій, но едвали еще не совершеннѣе. Никто изъ предшественниковъ его не былъ искуснѣе его въ *Версификаціи* или такъ называемомъ *Механизмѣ* Поэзіи. (смотри. Dictionnaire Portatif des Beaux-Arts par M. La Combe. M. DCC. LIX). *Арно* замѣчаетъ, что послѣ *Расина* и *Волтера* никто уже не владелъ языкомъ съ такимъ успѣхомъ и ловкостью.

(3) *Иванъ Ивановичъ Хемницеръ*, Коллежскій Совѣшникъ, Членъ Россійской Академіи, родился

въ С. Петербургѣ въ 1744 году, а умеръ Генеральнымъ Консуломъ въ Смирнѣ 20 Марта 1784.

Хемницеръ въ жишействѣ имѣлъ много сходства съ образцемъ своимъ Лафонтеномъ: таже дѣшская довѣренность, беззаботливость и разсѣянность въ мысляхъ замѣчательны у обоихъ. Онъ прославилъ себя баснями, коихъ главные свойства простота и естественность, — хотя Дмиріевъ и Крыловъ превзошли его остроуміемъ мыслей, чистотою слога, пріятностію стиховъ; но милое *простодушіе* остается доселѣ удѣломъ Хемницера. Удивительно, что современники его, восхищавшіеся безвкусными грубыми прищамъ Сумарокова, были равнодушны къ талантамъ Хемницера и не умѣли цѣнить его басень.

(4) Иванъ Ивановичъ Дмиріевъ, Дѣйстви-тельный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ, родился въ 1760 году, въ деревнѣ отца своего въ Симбирской Губерніи. Стихотворенія писанныя Г. Дмиріевымъ суть Оды духовныя, нравственныя и похвальные, Посланія, Саширы, Сказки, Басни, Пѣсни, Эпиграфны, Эпиграммы и другія мѣлкія произведенія. Онъ во всѣхъ сихъ родахъ занимался съ блистательнымъ успѣхомъ; въ Басняхъ же и Сказкахъ, какъ равно и въ мѣлкихъ Стихотвореніяхъ (*Poesies fugitives*) останется для Россіянъ, подобно, какъ Лафонтень и Вольтеръ для Французовъ, навсегда законодатель. Во всѣхъ Стихотвореніяхъ его какъ замѣчаетъ справедливо Г. Гречъ: „умъ и чувство говорятъ чистымъ, пріятнымъ, благороднымъ, но при томъ простымъ

„слогомъ; стихосложеніе его легко и непринужденно, правильно и ясно. Сей Писатель пойдешъ на ряду съ Карамзинымъ въ числѣ образователей Рускаго языка примѣрами изящнаго.“ Г. Мерзляковъ говоритъ о Басняхъ Дмистріева: „Сумароковъ нашель ихъ среди простаго, низкаго народа; Хемницерь привель ихъ въ городъ; Дмистріевъ отвориль имъ двери въ просвѣщенные, образованныя общества, опличающіяся вкусомъ и языкомъ.“

(5) Иванъ Андреевичъ Крыловъ, Библіотекаръ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ, Членъ Россійской Академіи, родился въ Москвѣ 2 Февраля 1768 года. Г. Гречъ со многими другими, *рѣшительно* назначаетъ *первое* мѣсто Крылову, между Россійскими Баснописцами, и мысль сію поддерживаетъ онъ, слѣдующими разсужденіями: „Оригинальность вымысла, простота и естественность расположенія, остроумія и часто колкость уроковъ въ его Басняхъ, слогъ истинно Рускій, чистый, правильный и непринужденный, усѣянный выраженіями, которыя Авторъ *подслушалъ* у замысловатаго Рускаго народа, составляютъ ихъ достоинство. Искусство его велико, но оно прячется подъ легкимъ покровомъ естественности. Прочіе наши Баснописцы удачно подражали иностраннымъ образцамъ и не рѣдко равнялись съ ними: Крыловъ сдѣлался самъ образцемъ для иностранцевъ, которые съ жадностію переводяшъ его Басни, что бь познакомить своихъ соотечей съ игрою ума Рускаго.“ Всѣ это справедливо, но все еще не убѣждаетъ согласиться, что

бы признавъ первенство и преимущество Крылова предъ Дмишрѣевымъ! Конечно, томъ и другой имѣють великое число своихъ приверженцевъ; и если бы принявъ *мѣрило* ихъ достоинствъ *балатированіе*, то, кто знаетъ, можешь быть нѣкоторый перевѣсъ остался бы на сторонѣ Крылова! Но истина и тонкій вкусъ и логическое, перейдутъ навсегда къ Г. Дмишрѣеву!

Обнаруживъ сверхъ чаянія, преждевременно мнѣніе мое о *соперничествѣ* двухъ знаменитыхъ нашихъ Баснописцевъ, испрашиваю у почтенныхъ моихъ Читателей позволеніе выписать изъ *Опыта* моего о *Баснѣ* и *Баснописцахъ Народовъ* 21 §, въ которомъ представлена крашкая параллель между *Дмишрѣевымъ* и *Крыловымъ*.

§ 21.

Кому должно отдавать первенство въ басняхъ Дмишрѣеву или Крылову?

Крыловъ, имѣетъ славу Поэта изобрѣтателя, ибо написалъ много собственныхъ прекрасныхъ басенъ (1).

-
- (1) Жаркіе защитники Крылова сильно опираются на томъ, что любимецъ ихъ написалъ много басенъ собственнаго изобрѣтенія; между тѣмъ какъ у Дмишрѣева всѣ заимствованы изъ чужихъ баснописцевъ. На семъ одномъ обстоятельстве слагаются они оспорить первенство — Крылову. Но трудъ ихъ напрасенъ. Въ Литературѣ можетъ быть, только и находясь сей одинъ родъ стихотвореній (басни), который менѣе всѣхъ другихъ требуетъ изобрѣтенія предмета (*sujet*). Во первыхъ, по чрезвычайной легкости, ибо изобрѣсть предметъ для басни

Дмитріевъ, есть оригинальный переводчикъ, часто превосходящій прекрасные свои образцы.

Изложеніе басни или разсказъ у *Крылова* весель, рѣзвъ, оживленъ народными пословицами и повседневными поговорками. За то разсказъ *Дмитріева* всегда пріятенъ, благоприсвоенъ и украшенъ прекрасными нравоученіями и нѣкоторою нѣжною чувствительностію, а во многихъ мѣстахъ тоже не изъять веселыхъ пословицъ, или могущихъ быть пословицами.

Крыловъ есть веселый острякъ и забавный весельчакъ, который шутитъ по характеру и наставляешь по разуму.

Дмитріевъ болѣе нѣженъ, болѣе постигаетъ природу и сердце человѣческое — и всё его нравоученія произтекають отъ доброты сердца, отъ человѣколюбія.

Есть класъ людей, который превозноситъ исключительно *Крылова*; за то *Дмитріева* любятъ всё. Красоты перваго восхищаютъ особенно нѣкоторыя лица, въ нѣкоторое время, въ извѣстныхъ случаяхъ (1).

нетрудно: все окружающее насъ можетъ быть матеріею для басни. А во вторыхъ, Езопъ и послѣдователи его такое множество изобрѣли намъ басенъ, что остается волько изъ нихъ дѣлать выборъ. Ламошъ написалъ сто басенъ собственнаго вымысла, Лафоншенъ можетъ быть ни одной; однако Ламошъ ни чуть симъ не уменьшилъ достоинства басенъ Лафонтевыхъ.

- (1) И это одно изъ важныхъ обстоятельствъ, которое привлекаетъ многихъ на сторону *Крылова*: нѣкоторыя изъ его басенъ написаны на извѣстные случаи и лица. Чита-

Дмитріевъ, нравится всѣмъ и всегда равно.

Укоряють *Дмитріева* за нѣкоторыя стихи и выраженія, кои по своему достоинству выше басни; то шѣмъ болѣе можно обвинить *Крылова* за нѣкоторыя погрѣшности, противныя слова и низкія выраженія недостойныя ни какой Поэзіи.

Если бы и невозможно было рѣшить, чьи басни превосходнѣе, то весьма непрудно замѣтить, чьи болѣе изыяшы недостатковъ и вообще обработаннѣе.

Въ заключеніе приведу слова Г. Воейкова: „Многіе прошивопославляютъ *Дмитріеву* въ башняхъ Хемницера и *Крылова*, баснописцевъ славныхъ, коихъ сочиненія заслужили всеобщую похвалу и рукоплесканія; но достойно замѣчанія, что вездѣ гдѣ случалось имъ рассказывать одну и ту же басню съ *Дмитріевымъ*, оба они всегда далеко ниже осматривались. Сравните басни: *Часовая Стрѣлка*, *Совѣтъ Стариковъ*, *Дубъ и Трость*, *Два Голубя*, *Левъ и Комаръ* и проч.“

пелъ, зная сіи лица и даже можетъ быть участвуя въ сихъ самыхъ случаяхъ, обольщаясь новостію, принаравливая басню къ происшествію и удивляясь скрытому, но близкому примѣненію вымысла къ самому дѣлу; а по тому не имѣетъ времени обратить своего вниманія на расположеніе, нѣкоторыя выраженія и на ошибку сихъ басенъ: Сочинитель привелъ его не въ равнодушное состояніе; слѣдовательно онъ не можетъ быть безпристрастнымъ, онъ на сторонѣ баснописца. Но поверхность сія скоропреходяща, она дѣйствуетъ на современниковъ, а не на потомковъ.

(6) Хотя мы издали особою книжкою Биографію А. Н. Нахимова, подъ названіемъ: Память о Харьковскомъ Стихотворцѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ. (С. П. б. въ Типографіи Н. Греча 1818 года).

Но здѣсь позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкошорыя повшоренія, дабы болѣе познакомить земляка нашего съ почтенными Чинашелями.

А. Н. Нахимовъ, Харьковскій Помѣщикъ и Кандидатъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, родился 1782. Сентября 8. Преставился на 32 году своего возраста, Іюля 17. 1814 года. Онъ учился съ начала въ благородномъ Пансіонѣ, находящемся при Московскомъ Университетѣ; пошомъ, прослужа корошкое время въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и по возвращеніи въ отеческій домъ, въ ту самую эпоху, когда основанъ въ Харьковѣ Университетъ, рѣшился онъ вступитъ въ число своекошныхъ Студентовъ сего Университета, выслушалъ полный курсъ по Словесному факультету и былъ произведенъ въ Кандидаты. Въ продолженіи сего времени написалъ онъ большую часть своихъ стихотвореній и прозаическихъ спашей. По смерти его напечатаны онѣ его поварищемъ Д. Борзенковымъ *третьимъ уже изданіемъ*, но къ сожалѣнію нерадиво!

Басни Нахимова, разсѣянные въ упомянутыхъ прехъ изданіяхъ числомъ до 32-хъ отличаются благородною своею *смѣлостію* и *рѣзкостію*; нѣкошорыя же изъ нихъ *отдѣлкою* своею ставяють его на ряду съ лучшими Россійскими и Иношранными Баснописцами! Рекомендуемъ въ

особенности слѣдующія: *Живолисецъ*; *Мосъка* и *Собака на привязи*; *Парикъ* и *Болванъ*; *Молодой Орелъ*; *Фортуна*; *Волы* и *Лошадь*; *Провѣдь* и *Басня*, *Орелъ* и *Стрѣлокъ*; *Ласточка* и *Колоколъ* и проч.

(7) *Александръ Ефимовичъ Измайловъ*, 5го класса и Кавалеръ, Членъ разныхъ ученыхъ обществъ, нынѣ живущій Россійскій писатель. Онъ занимался преимущественно сочиненіемъ *Басенъ*. Первое изданіе оныхъ напечатано въ С. Петербургѣ въ 1804, второе въ 1816, третье съ присовокупленіемъ Опыта о разсказѣ Басни въ 1817, четвертое въ 1821 году, (еще не конченное). Басни и сказки Г. *Измайлова*, по отзыву *Греча*, который съ нимъ въ пріязни „писаны пріятнымъ и легкимъ слогомъ: онѣ опличаются особенно изображеніемъ характеровъ, обычаевъ и пороковъ низкаго званія людей: нашихъ мѣщанъ, приказныхъ и п. п. и въ семъ отношеніи не имѣють подобныхъ себѣ въ нашей Литературѣ“.

8) Вступитъ въ шаковый не равный бой, значило бы Пигмею идти противъ Геркулеса.

Подобіе сіе должно принимать здѣсь въ настоящемъ его смыслѣ, а не въ Гипербодическомъ. Даръ Г. *Дмистріева* увѣковѣчиваетъ славу Россіянъ и ни какого не требуетъ ласкательства.

(9) Греки признавая *Гизантовъ*, людей чрезвычайной величины, для противуположности выдумали и маленькихъ людей въ локошъ, которыхъ называли они *Пигмеями*. Баснословный народъ сей находился во *Фракіи*, женщины ихъ трехъ лѣтъ уже рожали, а въ восемь были стары. Го-

рода и дома свои снроили они изъ яишной скорлупы; въ деревняхъ же прятались они въ земляныя дыры; а хлѣбъ свой они не жали, но рубили топорами какъ лѣсъ. Армія сихъ *Пигмеевъ* напала на спящаго Геркулеса послѣ того, какъ онъ убилъ Гиганта *Антея*. Чтобы побѣдить Геркулеса, *Пигмеи* предпринимали всѣ тѣ средства и предосторожности, какія употребляютъ при осадѣ крѣпости. Два крыла маленькой сей арміи вступили на правую руку Героя и когда главный корпусъ взбирался на лѣвую, а стрѣлки держали въ осадѣ его ноги; тогда Королева ихъ, съ опытнѣйшими воинами, повела атаку на голову. Геркулесъ проснувшись разсмѣялся, глядя на усилія сего муравейника; онъ всѣхъ ихъ сгребъ на львиную кожу свою и отнесъ къ *Евристее*.

Пигмеи вели еще открытую войну съ Журавлями, которые каждый годъ прилѣтали изъ Скіеи и на нихъ нападали, но сподвижники сіи разбѣгая на куропаткахъ, или по приказанію другихъ на козахъ и малыхъ баранахъ, всѣми способами старались отражать своихъ непріятелей. Больше о семъ см: Dictionnaire de la fable par Fr. Noel.

Геркулесъ, общее имя многихъ Героевъ древности, извѣстныхъ своимъ мужествомъ. Мы не станемъ всѣхъ ихъ вычислять; а скажемъ только, что здѣсь разумѣли мы того Геркулеса, котораго обожали Греки и Римляне. Онъ славнѣе всѣхъ другихъ и его то изображаютъ почти всѣ древніе памятники. Онъ былъ сынъ *Юпитера* и *Алкмены*, жены *Амфитріона*. Ночь, въ которую онъ выходилъ на свѣшъ, заключала въ себѣ

три обыкновенныхъ ночи: но порядокъ во времени ошъ сего не измѣнился, ибо слѣдующія ночи были самыя кратчайшія. Въ день его рожденія гремѣлъ громъ въ Оивахъ удвоенными ударами, и многія другія чудеса возвѣстили славу сына Юпитера!

(10) *Иванъ Стелановичъ Рижскій*, Коллежскій Совѣтникъ, Ордена Св. Анны 2-й степени Кавалеръ, Докторъ Философiи и изящныхъ наукъ, Членъ Россiйской Академiи, Ректоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета и Профессоръ Россiйской Словесности. Род. въ 1758. ум. въ 1811 году. Сей мужъ достоинъ всякаго уваженiя ошъ своихъ согражданъ. Онъ можешь бышъ послѣ великаго Ломоносова бышъ, вшорымъ Россiйскимъ Филологомъ. Онъ подарилъ Словесности нашей Риторикy и шакую, копорую должно бы ввести во всѣ высшiя учебныя заведенiя! *Введенiе его въ кругъ Словесности*, какъ по слогу, такъ и по занимательности и новостямъ предмета для Россiи, и по глубокимъ знанiямъ въ языкъ Россiйскомъ, пребудетъ неувядаемымъ лавромъ славы Г. Рижскаго! На другой день его смерти, пришло въ Университетъ извѣстiе изъ Россiйской Академiи, что она одобрила его *Науку о Стихотворствѣ* и приступила къ напечатанiю оной. Еслибы Г. Рижскiй нѣсколькими днями прежде получилъ радостную сiю вѣсть; то бышъ можешь болѣзнь его взяла бы другое направленiе и мы не потеряли бы такъ рано достойнаго Профессора. *Наука о Стихотворствѣ* напечатана въ томъ же году. И она есть на Россiйскомъ языкѣ первая въ своемъ родѣ.

Къ общему сожалѣнью смерть не позволила Рижскому окончить труда его *Исторіи Россійской Словесности*. Она доведена до временъ Петра Великаго и у многихъ его слушателей сохранилась въ рукописи. Здѣсь къстати можемъ теперь передать Читателямъ удивленіе наше о томъ, что Г. Гречъ въ *Учебной своей книгѣ Россійской Словесности въ Опытѣ* Краткой Исторіи Россійской Литературы, совершенно пропустилъ Рижскаго. Мы ни какъ не хотимъ думать, что бы Г. Гречъ сдѣлалъ сіе умышленно не полагая Рижскаго достойнымъ быть помѣщеннымъ въ *Галлереѣ Россійскихъ Писателей*. Ибо самъ Г. Издатель говоритъ: что „въ первыхъ отдѣленіяхъ Исторіи своей помѣщалъ онъ почти всѣхъ Авторовъ, оставившихъ по себѣ какіе нибудь памятники, въ послѣдствіи приводилъ только тѣхъ, которые писали книги, а наконецъ ограничивался писавшими хорошія книги.“ Рижскій безспорно принадлежитъ къ послѣднему отдѣленію.

(11) *Смотр*: сихъ басень книгу III. баснь 11.

(12) *Смотр*: книгу 1. баснь VIII.

(13) *Сократствовать*. Каждый догадается, что сей глаголь составилъ я изъ имени Сократа. Сей мужъ доставилъ вѣчную славу древней Философіи. Онъ родился въ городѣ Аѣинахъ, за 469 лѣтъ до Р. Х. и былъ преслѣдованъ придцатію Тиранами, которые разоряли его отечество. Обвиняемый *Анитомъ* и *Мелитомъ* въ невѣрїи къ Божествамъ Греціи онъ былъ на 70мъ году своего возраста осужденъ къ принятію яда, выжатаго изъ растенія *болиголовы*. Онъ перелагалъ въ

ещихъ Езоповы басни для разсѣянiя скуки въ своемъ заключенiи; но шворенiе сiе не дошло до нашихъ временъ.

(14) *Ефимъ*, такъ называется прикащикъ моего Дяди.

(15) а я Алмазы
Топчу

Въ С. Петербургѣ обыкновенно въ шуточномъ разговорѣ *Алмазали* называютъ мостовую. Мы, прочiе Господа Пѣшеходы, теперь получили большую удобность въ нашихъ прогулкахъ, и должны за сiе быть благодарны попечительному Правительству, заботящемуся и о малѣйшихъ нашихъ выгодахъ; съ 1817 года повелѣно устроишь шротуары, которые нынѣ показываются въ самыхъ отдаленнѣйшихъ концахъ Столицы.

(16) Въ Ижорской сторонѣ.

Извѣстно всѣмъ, что Петербургъ находится въ *Ингерманландiи* въ странѣ *Чухонцевъ* или *Маймистовъ*; но древнiе обитатели мѣста сего, по увѣренiю *Багданова*, (смотри описанiе его С. Петербурга изданное В. *Рубаномъ*) назывались *Ижорцы*, народъ Славянскiй, имѣвшiй жительство свое при рѣкахъ *Славянкѣ* и *Ижорѣ*, обѣ онѣ впадаютъ въ *Неву*, послѣдняя разстоянiемъ отъ С. Петербурга въ 22 верстахъ въ верхъ по Невѣ. Первый Ямъ отъ С. Петербурга, тоже именуется *Ижорою*, но населенъ Россiйскими ямщиками.

(17) Если, кто по подозрѣнiю обманется и приметъ на свой щепъ то, что сказано вообще

о всѣхъ; потѣ безразсудно обнажить положеніе своего сердца.

(18) *Чернилица и чернило*. Обыкновенно пишутъ: чернильница и чернилы. Не знаю прощать ли меня чистатели за такую вольность, если ее точно должно назвать симъ именемъ.

(19) Лечу мгновенно до Нанкина,

Нанкинъ или *вѣрнѣе Нанкинъ*, находится въ 5 Провинціи Китайскаго Государства, называемой *Кіангнанъ*, былъ прежде Южною Резиденціею. Имѣетъ миллионъ жителей, но прежде былъ гораздо многочисленнѣе и обширнѣе. Въ немъ слѣдуются фарфоровая башня, которая почти въ 30 саж. вышины и въ 9 ярусовъ. Впрочемъ она, какъ пишутъ, не изъ фарфора; а складена изъ мурованныхъ кирпичей. Въ Нанкинѣ находится много библиотекъ, ученыхъ людей и шелковыя мануфактуры.

(20) *Парнасъ*, гора въ *Θокидѣ* посвященная Музамъ, получившая сѣ названіе отъ *Парнассуса*, сына *Нептунова* или *Клеонома* и *Нимфы Клеодоры*. *Парнассусъ* жилъ въ окрестностяхъ сей горы, ему приписываютъ изобрѣшеніе гадательнаго искусства.

(21) Мы шпоримъ съ бариномъ *Пегаса*,

Пегасъ, крылатая лошадь, которая родилась изъ крови *Медузы* въ то время, когда *Персей* отрубилъ голову сей *Горгонѣ*, одной изъ трехъ дочерей *Θорка* Морскаго Бога. При рожденіи своемъ *Пегасъ* ударилъ ногами въ землю и отъ сего произтекъ источникъ *Илокрены*. *Пегасъ* жилъ на горѣ *Парнасъ* и на *Геликонѣ*, также

пасся и при берегахъ рѣки *Пермесса*. Онъ есть вообще разѣзжій Конь, на которомъ всѣ разгуливаюиъ Стихотворцы; но онъ не всегда ихъ привозитъ, къ рѣкѣ *Пактолы*. *Пактола*, во *Фригій* рѣка, песокъ ея превратился въ золото послѣ того, какъ *Мидасъ* въ ней выкупался. Сіе примѣчаніе и другія Мифологическія, конечно помѣщаются не для всѣхъ читателей; но только для начинающихъ учиться юношей.

(22) Бѣжимъ въ *Аркадскія* поля.

Аркадія, часть *Пелопониса*. Жители ея славились своимъ вкусомъ въ поэзіи и музыкѣ, они вели жизнь невинную и пастушескую.

(23) Или по *Августа* совѣту

Законы предписую я —

Здѣсь разумѣется *Кай* — *Юлій* — *Октавій* — *Кесарь*, разорившій *Римлянъ* опалами и ссылкой, но въ послѣдствіи подѣ именемъ *Августа*, сдѣлавшійся образцемъ для Государей. Историки согласно съ *Гораціемъ* и *Виргиліемъ* опзываются объ немъ съ похвалою, которую достойно заслужилъ онъ мудросшію своего правленія.

(24) Не знаю покажется ли любопытнымъ Читателямъ моимъ, ежели доведу до ихъ свѣденія, что баснь сія была произнесена мною въ 1810 году съ *Кафедры* на *Генеральномъ Экзаменѣ* въ *Харьковской Гимназіи* при переходѣ моемъ изъ оной въ *ИМПЕРАТОРСКІИ Харьковскій Университетъ*. Господинъ *Харьковскій Гражданскій Губернаторъ* и прочіе знатные посѣтители, по окончаніи чтенія моего, пожелали съ басни сей имѣть у себя списки и на другой день оныя получили. Впрочемъ обстоятельство сіе ни сколько

не увеличиваетъ внутренняго достоинства сей басни; оно служитъ собственно только для меня, однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній случившихся въ моей юности!

(25) Лессингъ о сей баснѣ замѣчаетъ слѣдующее :

Peras imposuit Jupiter nobis duas,
Propriis repletam vitiis post tergum dedit,
Alienis ante pectus suspendit gravem.

Юпитеръ надѣлъ на насъ два сѣи мѣшка? Слѣдовательно самъ онъ виноватъ, что мы собственнѣйшихъ своихъ ошибокъ не видимъ, а только прозорливо наблюдаемъ за погрѣшностями другихъ? Нелѣпость сѣя не настоящее ли богоульство? Лучшіе Греческіе писатели умалчиваютъ о Юпитерѣ, они говорятъ просто: *Всякій человекъ носитъ двѣ сумы, или у всякаго человека двѣ сумы за плечами.* И такъ далѣе. См. Gotthold Ephraim Lessings Fabeln. Vierte Auflage. Berlin 1819. Abhandlungen стран: 221. Но здѣсь Лессингъ кажется напрасно нападаетъ на Федра. Можешь быть въ Федрово время было общее, таковое мнѣніе о порокахъ человѣческихъ. Впрочемъ въ другихъ басняхъ онъ явно показываетъ ошибки его въ такомъ случаѣ, когда Федръ удаляется отъ Греческихъ подлинниковъ.

(26) И повели ихъ въ Коренную.

Въ Россіи считается три знатнѣйшихъ Ярмарки: 1) Макаръевская, 2) Ирбитская, 3) Коренная. Последняя производится при Богородицкомъ Знаменскомъ Монастырѣ въ уѣздѣ города Курска. На ней происходитъ значительный торгъ

лошадьми. Въ Статистикахъ и Географіяхъ нашихъ послѣ сихъ Ярмарокъ обыкновенно щитаются *Урюлинская*, а потомъ *Бердичевская*; но я хочу познакомить нѣкоторыхъ моихъ чистателей съ *Харьковскою*, *Крещенскою* Ярмаркою, она по обращенію своихъ капишаловъ, едва ли не превосходитъ Коренную или по крайней мѣрѣ должна щитаться *четвертою* Ярмаркою. Она есть ни что иное, какъ складка для всего Южнаго края Россіи.

(27) Внялъ прозвѣ ихъ Зевесъ.

По Гречески *Зевесъ*, а по Римски *Юлитеръ*, былъ въ древности признаваемъ за могущественнѣйшаго изъ Боговъ. Онъ по сказанію Спихотворцевъ былъ Опець, Царь боговъ и человѣковъ, мановеніемъ главы попрѣавшій вселенную. Философы жъ принимали его только за чистѣйшій и тончайшій эфиръ, а Юнону за воздухъ, который вокругъ насъ находится. Греки называли еще *Зевеса*, *Зенъ*, *Занъ*, *Зесъ*, *Засъ*, *Дисъ*, *Денъ*, *Данъ*, и проч.

(28) У Лафоншена баснь сія оканчивается иначе.

O vous, pasteurs d'humains, et non pas de brebis,
Rois, qui croyez gagner par raison les esprits

D'une multitude étrangère,

Ce n'est jamais par là que l'on en vient à bout:

Il y faut une autre manière:

Servez vous de vos rets, la puissance fait tout.

(29) Флора, богиня цвѣтовъ. Спихотворцы, чтобы облагородить исторію Флоры, представляюще ея Нимфою подъ именемъ *Хлорисы*; а

въ супруги даютъ ей Зефира, сына Авроры. Богиня сія сколько извѣстно, получила бытіе свое у Сабинянь; а отъ нихъ перешла къ Римлянамъ. Въ первыя времена для празднества сей Богини было посвящено нѣсколько дней предъ мѣсяцемъ Маемъ. Честныя жены и непорочныя дѣвы, исключительно, только однѣ занимались обрядомъ сихъ почестей; онѣ провождали дни сіи въ пріятныхъ удовольствіяхъ и въ забавахъ столько же невинныхъ, какъ самый предметъ ихъ обожанія. Но въ послѣдствіи игры на празднествѣ сѣмъ измѣнились и сдѣлались чрезмѣрно вольными. Флора щиталась въ разрядѣ Богинь — Магистерей. Ее представляютъ въ одеждѣ, которая безпрестанно перемѣняется въ своихъ обликахъ. Звѣзды ея волосы переплѣшены съ цвѣтами. Обнаженныя и прекрасныя ея ноги, едва касаются травы, по которой она ступаетъ. Зефиръ ее подымлетъ и качаетъ на легкихъ своихъ крыльяхъ. На каждомъ шагу, который она дѣлаетъ, возраждается новый цвѣтокъ.

(30) Отъ Езопа до нашихъ временъ всѣ обвиняютъ бѣднаго Пѣстуха, за то, что онъ хлѣбное зерно предпочиталъ жемчужному. Я на поступокъ его смотрѣлъ съ другой точки.

(31) Баснь сія взятая изъ Флоріана гораздо превосходнѣе моей обработана Гж. Буниной, подъ названіемъ: *Смерть и Ея придворные*. Я никогда не рѣшился бы присвоить себѣ басню сію, если бы сочиненія Гж. Буниной попались мнѣ въ руки нѣсколько прежде 1810 года. Но написавъ уже баснь сію, читатель самъ сознается, не жели только онъ самъ Авшоръ, что очень

трудно было мнѣ отказатьсь отъ нее. (См.: предисловія стран. 8. ст. 8). Замѣчу здѣсь нѣкоторымъ изъ моихъ чипашелей, что въ баснѣ Гж. Буниной мысль:

„Я не машинъ ищу — мнѣ нуженъ Машинистъ.“

(Такъ говоритъ Смерть представшимъ предъ нее болѣзнямъ) принадлежитъ собственно Гж. Буниной, ее нѣтъ у Флоріана. Спихъ сей по справедливости мысли и по своему рѣзкому обороту придаетъ не малую красоту цѣлой Баснѣ.

(32) Иль Мадригалы для Глафиры.

Сіе имя сдѣлалъ извѣстнымъ наиболѣе Князь И. М. Долгорукой. (смот: его посланія къ Глафирѣ). Большая часть его Стихотвореній, напечатанная *третьимъ* уже изданіемъ, заслуживаютъ все уваженіе Императоровъ. Въ сочиненіяхъ его находишь какая то оригинальность, одному только ему принадлежащая, въ нихъ нѣтъ учености, за то изящны они и отъ сухости, а по тому и легко извиняется ему небрежность въ отработкѣ иныхъ стиховъ. Наши дамы почти совершенно его себѣ присвоили; эшо одно можешь служить доказательствомъ, что сочиненія Князя Долгорукаго опличаются нѣжными, благородными чувствованіями и тонкимъ вкусомъ. Женщины въ семь случаѣ разборчивѣе мужчинъ; имъ понравится труднѣе.

(33) Или сокъ винный съ Вакхомъ пьютъ.

Ваххъ или Бахусъ въ древности былъ богомъ вина, онъ почитался могущимъ богомъ на земли и на морѣ. Цицеронъ щитаешь до пяти Бахусовъ. Но здѣсь разумѣть должно Бахуса *Θивскаго*.

го, который былъ сынъ Юпитера и *Семелы*. Юнона всегда ревнивая, въ видѣ кормилицы, присовѣщывала *Семелѣ* во время беременности упротисить любовника своего въ доказательство его любви явиться предъ нею во всемъ сіяніи своей славы. Юпитеръ долго на сіе не соглашался; но наконецъ уступилъ настояніямъ любящей и предсталъ предъ нею среди перуновъ и молній. Палаты загорѣлись, и *Семела*, жертва своей неразсудительности, погибла въ пламени. *Макрисъ* дочь *Аристия* приняла ребенка на свои руки и передала его своему отцу, который положилъ его въ свою ладвею и велѣлъ *Себасіусу* въ ней его воспитывать, гдѣ онъ и находился до окончанія девяти мѣсяцевъ. По другимъ Мифологамъ, Нимфы испугнувшись его изъ материнскаго пепла, обмыли его въ ручьѣ и старались объ его воспитаніи.

(34) Или пускай съ Анакреономъ,

Анакреонъ, Греческій Лирическій Стихотворецъ, родился въ *Θивαхъ*, (слѣдовательно землякъ *Бахуса*)! около 532 года прежде Р. Х. Онъ дѣлилъ время свое между любовью и виномъ, воспѣвая и то и другое. Анакреонъ, получа въ подарокъ чепыре таланта отъ *Поликрата*, Само-скаго Тирана и не могши отъ сего уснуть два дни, отослалъ назадъ сокровище и велѣлъ сказать своему благодѣтелю: „хотя сумма его очень значительна, но сонъ для него дороже денегъ.“ Стихотворецъ сей жилъ 84 года, подъ конецъ своей жизни онъ питался только сушенымъ виноградомъ, (изюмомъ) и зернушко, остановившееся въ горлѣ Анакреона, его задушило.

(35) Собою занятый Нарцисъ.

Нарцисъ сынъ *Цефиса* и *Нимфы Лиріолы*, онъ былъ наказанъ богинею *Немезисою*, за то, что презиралъ *Нимфу Эхо*. *Тирезіасъ* предсказалъ его родителемъ, что онъ до тѣхъ поръ будетъ жить, пока себя не увидитъ. Однажды, уставши и разгорячась на охотѣ, подошелъ онъ къ источнику, дабы утолить свою жажду и увидѣлъ въ немъ въ первый разъ лице свое, влюбился въ оное и послѣ сего, никто уже не могъ опшпунуть его отъ сего источника, онъ изчахъ отъ спрасти и желаній. Съумашествіе сіе не оставило его и въ преисподней, онъ доселѣ еще смотрится въ водахъ *Спикса*! Нынѣшніе *Спихотворцы* и вообще въ компаніяхъ, молодыхъ красивыхъ мущинъ и при томъ волокишь, кичливыхъ и занятыхъ собою, называютъ *Нарцисами*.

(36) И тѣмъ волнуетъ кровь *Лаисъ*.

Лаиса славнѣйшая *Коринѣская* прелестница, родилась въ *Гикаррѣ*, что въ *Сициліи*. Въ *Грецію* была она вывезена *Аѣинскимъ Полководцемъ Никіасомъ*. Городъ *Коринѣ* былъ главнымъ ея мѣстопробываніемъ, гдѣ впервые спала она славиться и куда стекались Полководцы, Орапоры и Философы. *Проперцій* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что вся *Греція* лежала у порога *Коринѣской Лаисы*! Съ *Демосѣна* просила она тысячу драхмъ за свою благосклонность; но онъ отвѣчалъ ей, что такъ дорого раскаянія не купить. Она вообще слишкомъ высокую назначала себѣ цѣну; отъ этого рѣдкіе удостоивались ея благосклонности, отъ чего и произошла пословица: *Non licet omnibus adire Corinthum* (не всякій можетъ въ-

диль въ Коринѣ). Однако же послѣ влюбилась она въ одного молодого человѣка и изъ Коринѣа переѣхала въ Фессалію. Здѣсь изъ ревности и зависти къ красотѣ ея, Фессалійскія женщины искололи ее до смерти иголками во храмъ Венеры! По сказанію Павзанія была еще и другая *Ланса*, дочь *Дамасандра*, тоже довольно извѣстная прелестница; отъ чего ихъ часто смѣшивають между собою.

(37) *Мизонъ* или *Мизо* Херейскій, Философъ Лакедемонскій. Анахарсисъ и Гиппонаксъ упоминають объ немъ со славою; а Платонъ въ своихъ *Protagora* сопричисляетъ его къ семи Мудрецамъ. Аполлонъ же щипаль его мудрѣ самаго Анахарсиса. Лаерцій, Фалезій и Гольстеніусъ такъ же опизываются съ почтеніемъ о семъ Философѣ; но подробное объ немъ извѣстіе можно имѣть у Фабриція: *Biblioth. Graec. Vol I. p. 779.*

(38) У Философовъ скуки нѣтъ.

Лакедемонскій Философъ очень справедливо отвѣчалъ удивлявшимся спрогому его уединенію; ибо истинный Философъ не знаетъ скуки, при томъ же онъ никогда не бываетъ одинъ — вселенная есть его собесѣдница! Сколько въ средніе вѣки во зло употребляли имя вѣры и Религіи; сколько же, ежели не болѣе, въ прошедшемъ столѣтіи искажали имя Философіи и Философа! Вотъ почему много еще осталось людей и по сіе время, которые *Философію* и *Безбожіе*, *Философа* и *Вольнодумца* и *Револүціонера*, щипають *Синонимами*! (однозначнашельными именами). Для сихъ по Господь постарается

я опредѣлить здѣсь слово: *Философъ*. Оно въ первоначальномъ и коренномъ своемъ смыслѣ означаетъ любителя и друга мудрости; ибо происходитъ отъ двухъ Греческихъ словъ: *Фίλος* люблю и *Σοφία* мудрость. И такъ мужи, посвятившіе себя на изысканіе святой Истины пріобрѣтая неусыпными трудами своими сокровищныя познанія по всѣмъ наукамъ и подстерегая, такъ сказать, въ тайныхъ дѣйствіяхъ Природу, на шопъ единый конецъ, дабы наблюденіями своими доставить щастіе роду человѣческому: неужели мужи сии и доселѣ, за таковой благородный подвигъ свой, должны на протекающемъ ими пути встрѣчать единыя шокмо порицанія невѣждъ закоснѣлыхъ!

(39) *Натуралисты.*

Натуралистъ, есть изслѣдователь природы въ обширномъ смыслѣ; но здѣсь должно разумѣть только тѣхъ, которые занимаются Естественною Исторіею, то есть: Минералогіею, Ботаникою и Зоологіею.

(40). Воскликнулъ Чичисбей.

Издавши *Conversations — Lexicon*, опредѣляютъ Чичисбея слѣдующимъ образомъ: „Чичисбей, въ Италіи, называется открытый спутникъ, вожатый и собесѣдникъ замужней Дамы. Приличіе, такъ называемаго *большаго тона* требуетъ, что бы Италіанскій Дворянинъ, со дня свадьбы своей, былъ только дома *вмѣстѣ* съ своею женою; въ публичныя же собранія выѣзжаетъ его жена съ Чичисбеемъ, который всякій день прислуживаетъ у ея туалета, въ ожиданіи приказаній своей повелительницы, Подобная готовность

Чичисбея, была бы не по вкусу Нѣмецкому Дворянину; и не смотря, что *Ягелонъ*, во второмъ письмѣ своемъ объ Италіи, силился съ выгодной стороны представить *Чичисбейство*, но въ самомъ дѣлѣ таковой обычай слишкомъ спранный; и намъ непонятно, какимъ образомъ, Италіанецъ, будучи отъ природы ревнивъ, послѣ женидбы перемѣняетъ совершенно свой характеръ! *П. Барри*, написалъ о *Чичисбейхъ* нравоучительную книгу; онъ дѣлитъ ихъ на два разряда, на *larga* и *stretta*. Первое онъ допускаетъ, но второе и для него сущій камень преткновенія. — Въ Германіи покрайней мѣрѣ (*) *Чичисбей* бываетъ причиною подозрительныхъ догадокъ. У насъ обыкновенно называющъ его *другомъ дома*, который однако же болѣе гоститъ, на *женщинѣ*, чѣмъ на *мужней половинѣ*; невоспитанные же не вѣжды, иногда чествятъ его и просто *любовникомъ*!

(41) Не всякій одаренъ *Кларисовымъ* умѣньемъ.

То есть: *Флоріановымъ*. Ибо его звали: *Иванъ — Петръ — Кларисъ — де Флоріанъ*. Известный сей писатель родился въ Севенѣ (*Sevennes*) 6 Марта 1755 года, а умеръ въ Со (*Sceaux*) 17 Сентября 1794, отъ горячки, которую онъ получилъ отъ долгаго заключенія въ тюрьмѣ. Въ нее ввергли его революціонные шираны! Любезная безпечность, сладкая нѣжная меланхолія составляли *Флоріановъ* характеръ, который находится и въ его сочиненіяхъ. Стихотворенія его, въ особенности басни и романы, легки, пріятны и сладкозвучны. Воштеръ называетъ его

(*) И въ Россіи совершенно также.

въ своихъ письмахъ *Флоріанушкою* (Florian et) именемъ уменьшительнымъ, которое показываетъ довольно хорошо его любезный, острый умъ и добрый нравъ.

(42) Какъ мыслить мой одинъ Украинскій землякъ,

У. Г. Дмитріева въ баснѣ сей тоже упоминается о какомъ то Украинскомъ землякѣ, можетъ быть, лицѣ сіе у него *идеальное*; но я точно разумію здѣсь одного почтеннаго Украинскаго жителя. Скромность прикладываетъ персты къ устами моимъ — я не смѣю произнести насоящаго его имени.

(43) Или подобно какъ Улисъ Герой

Ты тоже спрашивовашъ ко всѣмъ дворамъ пускался?

Улисъ (по Гречески *Odyssens*), былъ сынъ *Лаерта*, а внукъ *Архіа*. Мать его называлась *Антиклія*, Гомеръ же называетъ ее *Еериклессю*, дочерью *Автолика*. По Плутарху Улисъ родился въ *Алалколенѣ*, что въ Беоціи; а по Гомеру онъ воспитывался въ *Итакѣ*, гдѣ и получилъ отъ своего дѣда прозваніе *Одиссея*. По возвращеніи изъ Троянской осады Улисъ имѣлъ многія приключенія, которыя и составляютъ предметъ *Одиссеи*. (Смотр: объ немъ болѣе въ *Dictionnaire portatif de la fable, par Chompré et Millin*).

(44) Иль просвѣтилъ тебя Зенонъ?

Зенонъ, Греческій Философъ, умеръ на 98 году своего возраста, жилъ за 264 года до Р. Х.

Зенонъ, былъ ученикъ *Кратеса*, онъ преподавалъ Философію въ Аѳинахъ въ Поршикѣ. Мѣсто сіе было украшено картинами *Полигнота* и

другихъ великихъ мастеровъ и называлось по Гречески *этоа*, что означаетъ Галерею или Портикъ, отъ чего происходитъ имя *Стоиковъ* данное ученикамъ Зенона. Нравственность (мораль) его была строгая. Философъ сей съ самаго себя списалъ свое ученіе; онъ походитъ на шѣхъ суровыхъ законодателей, которые проповѣдуютъ для всѣхъ людей правила, для нихъ только однихъ удобныя. „Истинный Стоикъ, живешь въ семь мѣрѣ, какъ бы не имѣя ничего себѣ принадлежащаго. Онъ любитъ своихъ ближнихъ и любитъ вмѣстѣ и враговъ своихъ. Его благодѣнія, какъ дары природы, на всѣхъ распространяются. Частное его ученіе, есть ученіе самаго себя; онъ повѣряетъ вечеромъ все то, что сдѣлалъ днемъ, дабы еще болѣе возбудить себя къ произведенію лучшаго. Онъ признаетъ свои погрѣшности и возлагаетъ сіе на свидѣтельство своей Совѣсти. Такъ какъ добродѣтель есть единое его воздаяніе, то онъ удаляется отъ всякой похвалы и отъ всѣхъ почестей; его удовольствіе бытъ въ неизвѣстности. Спраси и привязанность къ чему нибудь не имѣютъ надъ нимъ ни какой власти.“ Зенонъ имѣлъ безчисленное множество учениковъ; и хотя нравственность его была самая строжайшая, но онъ умѣлъ пріятностію своего краснорѣчія умѣрять суровость своего ученія. Онъ въ особенности требовалъ отъ учениковъ, чтобы они были молчаливы. „Помните, говорилъ онъ имъ: что природа дала намъ два уха и только *одинъ* ротъ; симъ хотѣла она наставить насъ, чтобы мы болѣе слушали, нежели говорили.“ Зенонъ наслаждался долгою, безболѣ-

звенною жизнью, и въ продолженіи оной уважаемъ былъ самими Царями. Птоломей, Египетскій Царь имѣлъ съ нимъ сношеніе; а Антитонъ Царь Македонскій, бывалъ въ Портикѣ для слушанія его поученій. Однажды спросили сего Государя, по чему онъ столько удивляется Зенону? Потому отвѣчалъ онъ, что Философъ сей, не смотря на богатые подарки, присланные ему отъ Двора Македонскаго, не сдѣлался отъ того ни гордымъ, ни унижительною. Авиняне всенародно воздвигли Монументъ въ память Зенона; это столько же приноситъ имъ чести, сколько и Философу!

(45) Иль можетъ быть проникъ ты Секту Эпикура?

Эпикуръ, Греческій Философъ, основатель Эпикурейской Секты, родился отъ бѣдныхъ родителей въ одномъ изъ городковъ Аппики; умеръ на 72 году своего возраста за 270 лѣтъ отъ Р. Х.

Эпикуръ устроилъ свою школу въ прекраснѣйшемъ саду, на каковый конецъ купилъ онъ земли и насадилъ оныя по своему расположенію. Въ немъ поучалъ онъ людей мудрости, подъ привлекательною наружностію *сладострастія*. „Сладострастіе (Voluptas) представляется намъ въ разныхъ формахъ; но не будемъ къ самимъ себѣ несправедливыми, прибавляетъ любезный сей Философъ, не станемъ сравнивать честнаго съ чувственнымъ. Въ особенности же не будемъ смѣшивать природныхъ нуждъ съ порочными желаніями и съ увлекающею насъ Фантазіею. Если всѣ наши дѣйствія клонятся къ упражненію въ добродѣтели, къ сохраненію сво-

боды нашей и къ наслажденію честными удовольствіями; если мы привыкаемъ презиратьъ смерть, кошорая *ничто*, пока мы существуемъ, и кошорая тоже *ничто*, когда мы перестанемъ существовать, тогда вкусимъ мы по внутреннее спокойствіе, въ кошоромъ заключается истинное щастіе!“

Вотъ чему поучаль Эпикуръ! Слѣдовательно какъ превратно судишь о немъ большая часть людей! Они приписываютъ ему такія вещи, о кошорыхъ онъ совсемъ не думалъ. Многія знаменитыя женщины, изъ числа коихъ была и *Леонтиумъ*, за честь поставляли бытъ между его учениками, и школа его, въ началѣ мало извѣстная, въ послѣдствіи учинилась блистательною и многочисленною. Ученики Эпикура жили брашски; но Философъ не позволялъ имъ, что бы они свое имущество полагали въ общую кассу. Онъ боялся ослабить между ими сладость благошворенія и лишить ихъ удовольствія, въ нуждѣ помогашъ другъ другу. По смерти Эпикура Аѳинская Республика воздвигла ему Памятникъ.

(46) Иль Пиеагоръ себя насшавиль, иль Платонъ?

Пиеагоръ славный Самоскій Философъ родился около 592 года прежде Р. Х.

Онъ признавалъ и распространялъ систему переходенія душъ изъ одного тѣла въ другое, и по сему то послѣдователи его не употребляли въ пищу животныхъ. Не мѣшаешь напомнить здѣсь, что општѣнки Пиеагоровой Секты сохранились до нашихъ временъ въ Браминской вѣрѣ. Въ самой Россіи живешъ нѣсколько сѣмействъ

Индеекихъ, какъ то: въ Астраханѣ и Кизлярѣ, и вѣрующъ переселенію душъ, не ѣдятъ мяса, и не убиваютъ или не рѣжутъ ничего живаго.

Знаменишый Платонъ, ученикъ знаменишаго Сократа! Кто не знаетъ двухъ сихъ именъ? Дѣшамъ кончившимъ только Азбуку извѣстны онѣ уже по слуху! Но повторенія не наскучаютъ, ежели дѣло идетъ о великихъ людяхъ.

Платонъ, Греческій Философъ умеръ на 81-мъ году своего возраста, жилъ за 348 лѣтъ до Р. Х. Сократъ называлъ его *Академическимъ Лебедемъ*. Академія Платонова была Гиназія обсаженная деревьями въ предмѣстіи Афинъ; она получила свое названіе отъ имени Акадѣмис или Есадѣмис гражданина Афинскаго, коему она принадлежала. Въ семъ то мѣстѣ Платонъ съ учениками своими имѣлъ собранія и бесѣдовалъ съ ними о предметахъ Философическихъ; и потому то, подъ словомъ *Академики* прежде разумѣлись послѣдователи ученія Сократа и Платона. Для пріобрѣтенія знаній Философъ сей проѣхалъ всю Грецію; былъ въ Египтѣ, дабы проникнуть тайнства жрецовъ Египетскихъ. Діонисій Тиранъ Сиракузскій вызывалъ его къ себѣ ко двору.

Ученіе Платона состояло въ слѣдующемъ: „люди, до тѣхъ поръ не узнаютъ щастія, пока Философы не будутъ управлять ими. Достоинство и добродѣтель человѣка — гражданина, по мнѣнію его, состоятъ: въ устроении мыслей своихъ и дѣйствій ко благу общества. Онъ отличалъ два рода страстей, страсти дикія и свирѣпыя, и страсти тихія. Сладострастіе, печаль,

милосердіе принадлежатъ къ послѣднимъ и естественны человѣку; онѣ тогда только становящіяся порочными, когда бываютъ чрезмѣрны. Справости дикія и свирѣпыя не въ натурѣ человѣка; онѣ происходятъ отъ частной порчи, таково на примѣръ человѣконенавидѣніе. Доставьте всѣмъ человѣку, кромѣ добродѣтели, тогда вы ни чего не сдѣлали для его щастія.“

Платонъ былъ постоянно здоровъ и жилъ долго. Персіанинъ Митридатъ поставилъ ему спашую, а Аристотель воздвигнулъ жертвенникъ. День его рожденія причтенъ былъ къ праздникамъ и выбивали монету съ его изображеніемъ. Надобно признаться, что если древніе умѣли иногда гнать, то по большей части умѣли и чтить людей великихъ. Какой укоръ для нашего вѣка, мы кажется перенимаемъ только первое! Здѣсь не мѣшаешь прибавить, какое уваженіе имѣлъ Цицеронъ къ Платону; оно достопамятно по своей оригинальности, и тѣмъ болѣе, что заставляетъ догадываться, что славный Римскій Орапоръ - Философъ, не со всѣмъ былъ извѣстъ отъ пристрастія! „Я лучше, говоритъ Цицеронъ, люблю обманываться съ Платономъ, нежели нахождать истины съ другими Философами!“ Это походитъ на комплиментъ Французскаго вольнодумца!

(47) Вошь какъ провелъ я вѣкъ свой молодечкой!

Многимъ изъ моихъ пріятелей, читавшимъ басню сію, не нравился въ семъ стихѣ слово *Модецкий*; они замѣчали мнѣ, что выраженіе: *Вошь какъ провелъ я молодца свои лета!* бы-

до бы лучше. Согласенъ; однако оставя всякое самолюбіе, полагаю, что и слово Молодецкій въ устахъ старика въ семъ случаѣ, не есть неприличное; ибо онъ рассказываетъ исторію своего юношества. Я думаю не мнѣ одному случалось слышать отъ стариковъ: я не вамъ чета, я то былъ *молодецъ* въ свое время! Я какъ умѣлъ провести въкъ свой *Молодецкой*!

(48) Баснь сія, хотя очень незавидна, за то для меня достопамятна ея происхожденіе; она обязана своимъ рожденіемъ прекрасной баснѣ И. И. Хемницера, извѣстной подъ шаковымъ же именемъ. Она крашка, а потому я и прописываю ее здѣсь для нѣкоторыхъ изъ читателей.

Собака ловить Мухъ, однако не поймаешь,
И глупая не разсуждаетъ:

Что Муха вѣдь лѣзаетъ.

Лови собака то, что сыщешь подъ ногой,
Не то, что надъ швоей лезаетъ головой.

(49) Короче это дѣляю всѣмъ.

Чтобы извлечь весь возможный плодъ изъ басенъ Езоповыхъ, не должно останавливаться просто только на текстѣ; надобно пронукнуть въ смыслъ разсказа, отъ куда можно черпать прекраснѣйшія наставленія, а наипаче обязанности въ гражданской жизни.

(50) О семъ и Физіологъ свѣдалъ,

Физіологъ, который занимается изслѣдованіемъ жизненныхъ отправленияхъ здороваго организма, какъ чловѣка, такъ и самыхъ животныхъ.

(51) Пороки и наказаніе.

Греки и Римляне сопричисляли и пороки тоже къ Божествамъ. На многихъ аллегорическихъ картинахъ пороки представлены олицетворенными въ видѣ Гарпій. Въ нынѣшнія времена изображаютъ ихъ въ видѣ безобразнаго криваго и горбашаго съ рыжими волосами Карла обнимающаго Гидру. Иные пишутъ ихъ въ видѣ семиглаваго чудовища, подпалзывающаго къ юношѣ, который его гладитъ. Но большею частію представляютъ пороки въ видѣ полунагаго юноши, бѣгущаго по дорогѣ усыпанной розами, подъ коими клубятся мѣи. Въ рукахъ у него прекрасная маска, кою онъ старается оны закрыть обезображенныя ершы лица своего; при немъ находится шакъ же уда и сѣпи знаки обмана и коварства и не въ алектъ Сирена. Древніе *Наказанія* не признавали а божество; по крайнѣй мѣрѣ спихотворцы ихъ въ Мифологіи обънемъ особенно не упоминають. насъ представляютъ *Наказаніе* въ видѣ вооруженнаго Ангела съ пламеннымъ мечемъ или съ бичемъ.

(52) Пороки сыновья свирѣпаго Дракона.

Драконъ есть баснословное животное древности. Изображеніе или видъ его каждый знаетъ, кто только видѣлъ Китайскія бесѣдки, или ихъ плащя, или книги. Животное сіе почиталось бдительнымъ и самымъ лютымъ. Не смотря на сіе, оно посвящено было Минервѣ; можеть бытъ, для того, дабы симъ означитъ, что истинная мудрость неусыпна. Драконъ былъ шакъ же посвященъ и Бахусу, — и вѣроятно

для того, дабы представить весь ужасъ пылн-
сшва. Драконовъ было великое множество; извѣ-
стнѣйшіе суть: Драконъ Анхиза, Андромеды,
Авлидскій, Кадма, Цереры, Дельфійскій, (сей по-
слѣдній по нѣкоторымъ Мифологамъ, былъ самъ
оракуломъ), Адскій или Церберъ, Гесперидскіе и
Драконъ Медеи.

Но нигдѣ не оказывается, что бы *Пороки*
были чадами Дракона. Только Нѣмецкіе Стихо-
творцы называютъ ихъ сыновьями Дракона.

(53) Задумали въ другой переселиться свѣтъ,

Подъ другимъ свѣтомъ не должно разумѣть
другаго какого міра; но четвертую часть зем-
наго нашего шара — Америку, въ скорости
по открытіи оной Христофоромъ Колумбомъ.
Извѣстно что Европейскіе преступники съ на-
чала находили себѣ вѣрное прибѣжище въ Но-
вомъ Свѣтѣ.

(54) Но какъ всегда напротивъ въ мірѣ.

Здѣсь намѣкаю я объ одномъ положеніи, на
коемъ, такъ сказать основана новѣйшая Фило-
софія: *Omnia constant in oppositione.*

(55) А васъ поганыхъ — лягушки!

Естественная Исторія не упоминаетъ, что
бы лягушки точно питались погаными или не-
годными грибами; пища ихъ насѣкомыя. Я поль-
зуюсь здѣсь общимъ мнѣніемъ Малороссійскихъ
простолюдиновъ; отъ нихъ часто случалось мнѣ
слышать въ опрочествѣ, что лягушки, или по
ихъ нарѣчію *жабы*, ѣдятъ сіи грибы, и по сему
яко бы онѣ и ядовишы! Народъ во всѣхъ Госу-
дарствахъ имѣетъ свои особенныя понятія о
вещахъ.

(56) А говорятъ онѣ подѣ часѣ и по Латыни:

За сей стихъ мнѣ до сихъ поръ достается
отъ моихъ знакомыхъ. Они непремѣнно хотѣли,
что бы я его выбросилъ; не знаю, что скажутъ
объ немъ прочіе чистатели?

Въ поясненіе скажу, что когда я учился; то
мнѣ и со товарищамъ моимъ учителя всегда шол-
ковали съ важностію о необходимости Латын-
скаго языка, что только изъ ученія Римскихъ
писателей можно почерпнуть правила и истин-
ныя красоты для краснорѣчія или искусства хо-
рошо излагать на бумагу свои мысли. Что и
правда.

Послѣ шаковыхъ замѣчаній нашихъ настав-
никовъ, ежели кому либо изъ насъ между рѣзво-
стей случалось сказать, что нибудь ксташи и
остро, то другіе поварищи называли это: *гово-
рить по Латыни!* Свинья въ басенномъ мірѣ не
принимается за умное животное, но въ сей
Лессинговой баснѣ она отвѣчаетъ Дубу очень
умно и остро, по этой причинѣ я и привожу,
объ ней употреблявшуюся нами въ дѣйствѣ по-
говорку. Если она не покажется, пусть про-
щаютъ мнѣ это упрямство чистатели. Предъ сею
баснею для чего же нибудь сказано, что:

Привычка намъ вторая мать,

Ее исправить невозможно.

(57) И ненапрасно такъ Хавронья полагала.

Какъ во Французскомъ языкѣ слово *Aliboron*
принадлежитъ Ослу, а на Нѣмецкомъ *Lang = ohr*,
такъ на Россійскомъ языкѣ свинѣ придается
имя *Хавроньи*. Кажется Крыловъ первый пода-
рилъ ей сіе имя.

(58) Имъ возвращень ихъ вѣкъ златой.

Золошымъ вѣкомъ называли Царствованіе Сатурна. Первые вѣки мѣра были самые щастливѣйшіе, ежели вѣрять Спихотворцамъ. Но гораздо справедливѣе или по крайней мѣрѣ умѣшительнѣе щипать намъ шопъ вѣкъ щастливѣйшимъ, въ которомъ каждый изъ насъ живетъ.

L'âge le plus heureux est, le siècle où je vis.

Прил. Барона Стассарта.

(59) Германскій Цицеронъ,

Здѣсь разумѣется *Раулахъ*. Смотри его Возваніе къ Германцамъ. 13. и 14. стихъ сей басни, щипая съ низу, есть подражаніе сильному періоду находящемуся въ упомянутомъ возваніи.

„Германцы, я краснѣю за васъ, что долженъ такъ долго говорить вамъ о томъ, что свобода, лучше рабства!“

(60) Уже Кукушка Лекторъ,

Лекторъ, буквально перевестъ Чтець, Латынское слово, происходитъ отъ Латынского же слова: Лекція. Лекторъ въ отсутствіи Профессора занимаетъ иногда его должность, но большею частію поручается ему особенная кафедра. Онъ не Адъюнктъ, но имѣющій быть Адъюнктомъ.

Прозекторъ, тоже Латынское слово, происходитъ отъ глагола *разсѣкать*. Должность сего Чиновника препарировать на трупѣ для Лекціи Профессора Анапоміи.

Здѣсь ксшати замѣшишь нѣкоторымъ моимъ Читателямъ, не бывавшимъ въ Украинѣ и въ Малороссіи, что въ баснѣ сей, имена: *Соловей*, *Скворецъ*, *Кукушка* и ш. д. означаютъ не птицъ,

а вымышленныя прозванія людей. Въ Малороссіи часто случается слышать Фамиліи, въ особенно-сти между простолюдинами: *Голубь*, *Утка*, *Шлакъ*, *Сорока* и проч.

(61) Позвольте дарственну мнѣ запись получить,

Дарственная запись, есть актъ, которымъ одно частное лице по собственной волѣ и безъ продажи передаетъ право своего владѣнія, какой либо вещи или имѣнія, въ пользу другаго. Таковая запись имѣетъ ту же силу, какъ и купчая, если она утверждена судебнымъ мѣстомъ и взята въ казну надлежащія пошлины и если датель померъ. Впрочемъ датель при жизни своей всегда можетъ нарушить сію запись, въ случаѣ неблагодарности облагодѣшательстваго имъ лица.

(62) *Езопъ*.

Многіе, не убѣждаясь ни какими свидѣтельствами имя сіе щитають вымышленнымъ. Но обыкновенно *Езопа* причисляютъ къ Греческимъ Мудрецамъ и справедливо называютъ *Отцемъ Баснописцевъ*; ибо, хотя онъ былъ невольникъ, но басни его по истиннѣ можно отнести къ числу драгоцѣннѣйшихъ вещей, каковыя передала намъ древность. Въ нихъ усматриваемъ мы всю мудрость, благоразуміе, опытное познаніе и здоровое нравоученіе.

(63) Изъ *Борри*, *Плинія* вы можете узнать, сколь въ древности Слоны учены были.

C. Plinius Secundus, Физикъ и Натуралистъ онъ жилъ во время *Веспасіана* и *Тита*, и обоими сими Императорами былъ уважаемъ. Умеръ на 56 году своего возраста около 79 лѣтъ послѣ

Р. Х. Твореніе его столь разнообразно, какъ сама природа; оно есть ничто иное, какъ собраніе всего того, что было до него написано, или копія, изъ коей можно узнать все то, что было сдѣлано хорошаго и полезнаго. Списокъ сей, не смотря что наполненъ ошибками того вѣка, имѣетъ великія черты и содержитъ въ себѣ вещи, совершенно въ новомъ видѣ представленныя; и по этому онъ можетъ предпочтенъ быть многимъ оригинальнымъ сочиненіямъ практическимъ объ однихъ предметахъ. Ученый сей натуралистъ, какъ пишетъ объ немъ младшій Плиній, его племянникъ, велъ жизнь простую и воздержную; спалъ мало и всегда былъ занятъ. Когда онъ обѣдалъ, то и тогда ему читали. Въ ученыхъ своихъ бесѣдахъ онъ всегда имѣлъ при себѣ книгу, записную тетрадь и писца; ибо онъ ни чего не читалъ безъ замѣчаній и извлеченій. Извѣстенъ всѣмъ печальный конецъ, случившійся съ нимъ на горѣ Везувіи; подробности сего происшествія читать можно въ письмѣ младшаго Плинія, писанномъ къ Историку Тациту.

Борри или Борро (Христофоръ) потомокъ благородной фамиліи въ Медіоланѣ. Онъ вступилъ въ 1501 году въ Езуитской Орденъ, былъ нѣкошорое время въ Остѣ-Индіи Мисіонеромъ; но послѣ возвратился назадъ въ Европу и въ Коимбрѣ и Лисабонѣ преподавалъ Математику. Послѣ чрезъ Мадридъ прибылъ въ Римъ, гдѣ вступилъ въ другой Орденъ и назывался донъ Онуфріемъ? умеръ 1632 года Маія 24. Онъ оставилъ чешыре сочиненія, изъ коихъ два путешествія въ Южныя страны земнаго шара. Здѣсь намѣкается о

первомъ: Relazione, della nuova Missione dé Padri della S. di G. al Regno della Cocincina, оно переведено на Французскій, Голландскій и Латынскій языки; на Французскій перевелъ Ant. de la Croix въ Лиллѣ 1631. въ 12 долю.

(64) Баснь сія взята изъ Англинскаго баснописца *Гая*. Онъ въ приступѣ говоритъ о путешественникахъ.

(65) *Комментарой*, то есть *Commentaria* такъ называются Филологами критическіе разборы, замѣчанія, поясненія, (*Glossae*), Историческія и Міѳологическія свѣденія, прилагаемыя обыкновенно къ сочиненіямъ древнихъ классическихъ Авторовъ, какъ то: Гомера, *Виргилія*, *Горация* и проч. равно и къ сочиненіямъ новыхъ, но рѣже. Мы должны быть благодарны мужамъ преисполненнымъ глубокой учености: *Баніеру*, *Гейну*, *Фоссу*, *Бейттигеру*, *Герману*, *Ленцу*, *Морицу*, *Сейбольду*, *Рамбаху*, *Фелкелю*, *Басвиллю*, *Лессингу*, *Фогелю* и другимъ, облегчившимъ намъ разумѣніе древнихъ писателей. Безъ нихъ можешь быть доселѣ мы блуждали бы во тьмѣ.

Здѣсь простительно русскому книгопродавцу исковеркать на свой манеръ, такое важное слово, его дѣло не понимать книги, а только продавать оныя. Они сами охотно признаются, что имъ нужно не *качество*, а *количество*!

(66) Если бы наши заблужденія совершенно исчезли, тогда худо было бы осматься чело-вѣкомъ.

(67) Успѣхъ многихъ ввергаетъ въ бѣду,

(68) Предъ Фебово лице явился,

То есть предъ лице Апполона; ему давали названіе *Феба* для того, что бы примѣнить его къ свѣту и къ жару Солнца, дарующаго жизнь всѣмъ вещамъ. Слово *Фебъ* происходитъ отъ *Phoibos*, свѣшлый, блистающій. Когда Овидій говоритъ объ обоихъ Фебахъ. *Utroque Phoebo*, то чрезъ сіе должно разумѣть восходящее и заходящее Солнце.

(69) Такъ я себѣ его куплю.

У насъ нѣтъ еще словаря риѣмъ. Многіе утверждаютъ, что онъ не нуженъ; потому что хорошій Спихошворецъ, или Геній Спихошворецъ, никогда не затруднится риѣмою. Это можетъ быть и правда; однако надобно признаваться, что подобный словарь много бы облегчалъ труды поэтовъ. Если риѣма и не затрудняетъ хорошаго Спихошворца; то по крайнѣй мѣрѣ нѣсколько можетъ его задержать и заставить позабыть скоро пробѣжавшую въ умѣ его мысль, иногда очень хорошую, но никогда уже невозвратимую. Для сего то думаю, Французы имѣютъ у себя словарь риѣмъ.

(70) Державинъ (Гавріиль Романовичъ) Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ многихъ Орденовъ, Членъ почти всѣхъ Россійскихъ, ученыхъ обществъ, родился Іюля 3-го 1743 года въ Казани скончался Іюля 6 го 1816 года въ помѣстьѣ своемъ *Званкѣ*, на берегу Волхова въ Новгородской Губерніи и погребенъ въ *Хутынѣ* Монастырѣ. „Къ безсмертнымъ памяникамъ Екашерина вѣка, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Мерзляковъ, безъ сомнѣнія при-

надлежать пѣснопѣнїя Державина. Онъ былъ Го-
рацій своей Государыни. Въ его шворенїяхъ опи-
сывается самая домашняя жизнь и времяпро-
вожденіе Императрицы, мѣста гдѣ она гуляла въ
часы отдохновенїя, гдѣ засѣдала съ мудрецами,
гдѣ рѣшала судьбу народовъ и забавлялась игра-
ми своихъ приближенныхъ. Все это и теперь
кажется для насъ волшебнымъ!“

Мы прибавимъ къ сему: что Державинъ,
есть такой Феноменъ, который можетъ быть
въ продолженїи вѣковъ ни кого къ себѣ близко
не подпустить! И заключимъ прѣмѣ стихами
Г. Воейкова:

Державинъ славныхъ бившъ, любви, боговъ
пѣвецъ:

Онъ движетъ въ насъ сердца, златыя движа
струны;

Онъ нѣженъ какъ любовь, и звученъ какъ
перуны.

(71) Горчаковы

Въ то время Князя Горчакова зналъ я толь-
ко по превосходной его одѣ: *Падагра* и по од-
ной извѣстнѣйшей *Саширѣ*, не знаю почему, до-
селѣ еще не напечатаной; а только хранящейся
въ рукописи у всѣхъ любителей и не любителей
Россійской Поэзіи! Теперь же Г. *Гречъ въ учебной*
своей *книгѣ Россійской Словесности*, нѣсколько
болѣе познакомилъ насъ, съ отличнымъ симъ
Стихотворцемъ. Я выпишу изъ упомянутой кни-
ги для моихъ читателей нѣ немногія строки,
какія приводитъ объ немъ *Гречъ*. „Князь Дми-
трій Петровичъ Горчаковъ, Маіоръ въ ошшавкѣ,

членъ Бесѣды Любителей Рускаго Слова, родился въ Москвѣ 1762 года, обучался въ домѣ родительскомъ. Онъ сочинилъ нѣсколько Театральныхъ Піесъ, какъ то: 1. *Калифъ на часъ*, Опера, М. 1786, 2. *Щастливая Тоня*, Опера, М. 1786; 3. *Баба Яга*, Опера М. 1788; 4. *Безлечный*, Комедія въ 5 д. въ стихахъ, предст. въ С. П. Б. 1801 года, но не напечатана. Сверхъ того написалъ онъ повѣсть *Планиръ и Раида* (1796), и нѣсколько стихотвореній Лирическихъ и Сатирическихъ отличающихся силою мыслей и живою слога.

(72) и Карамзинъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, ИМПЕРАТОРСКІИ Исторіографъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Членъ многихъ ученыхъ обществъ родился въ Симбирской Губерніи 1-го Декабря 1766 года. Г. Гречъ справедливо замѣчаетъ: что Карамзинъ сотворилъ новую, правильную, чистую, легкую благородную Рускую прозу. Мы прибавимъ: что онъ и въ Галлерей Россійскихъ Поэтовъ занимаетъ мѣсто въ первыхъ рядахъ. Г. Карамзинъ не смотря, что съ 1803 года по сіе время непрерывно занятъ Исторіею Россійскаго Государства, коей вышло уже одиннадцать томовъ, вскорѣ по заключеніи Наполеона на островъ Эльбу въ порывахъ общей радости стеръ пылъ съ давно забытой лиры своей — и воспѣлъ миръ Европы!

(73) Капнистъ.

Василій Васильевичъ Капнистъ, Статскій Совѣтникъ; Членъ Россійской Академіи и многихъ другихъ ученыхъ обществъ, другъ и родствен-

никъ Державина, принадлежить къ числу опличныхъ нашихъ Лирическихъ Поэтовъ: его стихотворенія имѣють собственнй свой характеръ, онѣ расстрогиваютъ душу особенною своею унылостію, которая въ нихъ прелѣсна, вообще замѣчается въ нихъ опдѣлка и чистота слога. Почтенный Стихотворецъ сей послѣднее время жилъ нѣсколько лѣтъ сряду на родинѣ, въ деревнѣ своей *Обуховкѣ*, (Полтавской Губерніи) и бесѣдою съ Музами украшалъ преклонные дни свои. Теперь дошли къ намъ слухи, что онъ скончался.

(74) Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій, Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ и Членъ Россійской Академіи, родился въ 1783 году. Онъ началъ писать съ 1802 года бывши еще въ Университетскомъ Московскомъ Пансіонѣ: первые его опыты въ Поэзіи возбудили общее вниманіе любителей Словесности. Въ 1808 году издавалъ онъ *Вѣстникъ Европы*, а въ 1809 и 1810, участвовалъ въ изданіи онаго съ Г. Каченовскимъ. Надобно признать, что въ то время, многіе и изъ насъ, то есть: изъ Харьковскихъ Студентовъ съ нетерпѣніемъ бывало ждуть каждую почту книжекъ *Вѣстника Европы*, дабы съ жадностію заучивать прекраснѣйшія Баллады Г. Жуковского, поражавшія насъ тогда своею новостію! Въ 1812 году обратилъ онъ на себя глаза всей Россіи, написавъ превосходнѣйшее стихотвореніе: *Пѣснь въ станѣ Рускихъ воиновъ*.

(75) Мерзляковъ,

Алексѣй Федоровичъ Мерзляковъ, Сташскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Профессоръ Поэзіи и Краснорѣчія при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, Членъ Россійской Академіи и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ, родился въ 1778 году Пермской Губерніи въ Г. *Дальматовѣ*. Городокъ сей будешь драгоцѣненъ потомкамъ. Г. Мерзляковъ искупилъ оный изъ забвенія, будущіе Россійскіе Географы съ самодовольствомъ, помѣщаяшъ его между достопримѣчательными Россійскими городами и будешь хвалились, что въ немъ въ первыя узрѣлъ свѣтъ, славный *Лагартъ Россійскій!*

(76) На Лирѣ Мира не бряцаешь;

Нѣкошорые изъ достославныхъ сихъ мужей въ скороспѣ послѣ сего ознаменовали однакоже Миръ сей пѣснопѣніями. Намѣкнемъ здѣсь, только о *Гимнѣ Лирико-Эпическомъ* Державина.

(77) Такъ баснь пишешь бы не годилось,

Большая часть Филологовъ требуетъ, что бы басни пишешь, одними только стихами, такъ называемаго *большаго размѣра*. Но сего правила, также никто не исполняетъ, какъ и *Аристотелева*: чтобы въ басняхъ были дѣйствующими лицами только однѣ животныя.

(78) Несышое исчадіе Ада,

Чудовище — Наполеонъ!

Сии два стиха принадлежатъ покойному Профессору *И. Е. Срезневскому*, занимавшему кафедру Россійской Словесности, послѣ *Рижскаго* при Харьковскомъ Университетѣ. Смотъ: его Оду на пораженіе Французовъ напечатанную особу въ 1812 году, въ Университетской Типогра-

фѣи. Послѣдній стихъ: *Такъ наказуетъ злыхъ Господь!* Тоже отъ шуда заимствованъ.

Здѣсь ксѣати признаться, пока не уличили, что въ сей же баснѣ, въ предпоследней Сшрофѣ, стихи:

Надувъ обширный свой хребетъ,
Мушишь, шумишь, реветъ бунтуешь,
Валишь —

Суть подражаніе превосходнѣйшимъ стихамъ Г. Дмитріева, находящимся въ Одѣ его на смерть К. Потемкина, и подражаніе непрости-тельно близкое!

(79) Которой *Бонькою* зовешся,
Въ то время, когда писана была сія пѣса, многіе огорченные и дышущіе мщеніемъ Россійскіе Патріоты, называли Наполеона презрительно *Бонькою*! Они уменьшили имя *Бонапарта* по свойству Россійскаго языка. Въ то время, во время боли и энтузіазма стихъ сей могъ имѣть нѣкоторое достоинство, теперъ же онъ щекотливъ вкусу. Но нѣтъ нужды, за то онъ характеризуетъ тогдашнія обстоятельства.

(80) На Эльбѣ мучишься, шрясешься.

Наполеонъ въ первый разъ былъ отправленъ на островъ *Эльбу*, съ сего времени островъ сей сдѣлался всѣмъ извѣстенъ; удивляюсь, почему въ новѣйшихъ Землеописаніяхъ, наши Географы не упоминаютъ о семъ обстоятельстве? На островѣ семъ щитаются 20,000, жителей, онъ чрезвычайно изобилуетъ рудокопнями, особливо желѣзомъ, при немъ такъ же нарочитая ловля *Туновъ*.

На немъ, главный городъ *Порто-Феррайо*, съ укрѣпленною приморскою гаванью и *Порто-лонгоне*.

(81) *Бѣдность не лорокъ, однако, мать пороковъ.*

Это поговорка почтеннаго моего Дяди, она была причиною рожденія сей басни.

(82) Чшобы родня швоя не обвиняла Рокъ.

Рокъ, судьба, участь, предопредѣленіе, назначеніе свыше, щастіе, случайность, слѣбый случай, налисано на роду, жребій, обстоятельство, неизбѣжность, и проч.

Вошь слова, кошорыя ошъ начала мѣра, во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ — и у всѣхъ народовъ: въ черпогахъ Царей, въ кабинетѣ ученыхъ, въ шалашахъ — простолюдиновъ, подъ намѣшомъ кочующихъ и въ пещерахъ — дикихъ; равно признаваемы, понимаемы, не понимаемы и Богочшими!

Со времени введенія Христіанской Религій, слѣдовательно восемнадцать столѣтій, Богословы увѣряють насъ, что вѣра наша не пріемлеть ни Рока, ни судьбы, ни предопредѣленія, ни случая и шакъ далѣе, принадлежащихъ токмо Язычникамъ и Магомешанамъ. Между шѣмъ почти каждый день, при малѣйшемъ произшествіи, слышимъ мы каждого восклицающаго: *Ахъ какое щастіе! О злая судьба, или злое нещастіе, ужъ его такъ грѣхъ лолуталъ, такъ было ему на роду налисано, предназначено свыше! Такая была его участь! И шому подобное.*

(83) Несли похоронишь на гору.

Въ семь стихѣ слово *гора*, поставлено вмѣсто кладбища. Въ Малороссіи и Украинѣ кладбища расположены на горахъ, тамъ часто говорятъ: *вчера умеръ такой-то, застра понесутъ его на гору, то есть на кладбище*. Не знаю просятъ ли меня чашатели за такую метони-мию? Баснѣ сѣя написана въ концѣ 1815 года, когда еще сочинитель находился въ Харьковѣ.

(84) *Экспромптомъ* или по выговору Французовъ *Impromptu*, *In-promptu*, называется нѣсколько стиховъ къмъ либо сказанныхъ безъ приготовленія, или на заданный предметъ, или на нечаянно представившійся случай. Не смотря на сѣе и Экспромптъ подведенъ подъ правила; онъ принадлежишь къ мѣлкимъ сочиненіямъ. (*Poëties fugitives*), онъ не терпитъ напѣжки, долженъ бышь выражень легко, съ живостію и оплича-ся остроуміемъ. Инымъ *Экспромптъ* можешь бышь покажется, мѣлочнымъ трудомъ и даже ребяческою игрушкою, но по нашему мнѣнію онъ составляетъ такъ сказать: *роскошь* Поэзіи. Наша Словесность очень бѣдна въ семь родѣ стихотворенія, едва ли болѣе двухъ Экспромптовъ могли бы мы здѣсь представить; но Французскіе Стихотворцы, преимущественнѣе предъ всѣми другими, опличаются въ семь родѣ. Мы упомянемъ здѣсь: о *Ленеѣ*, *Теофилѣ*, *дѣвицѣ Скудери*, о *Маркизѣ Сентъ-Олерѣ* и о *Волтерѣ*; и одинъ изъ Экспромптовъ послѣдняго выпишемъ здѣсь для любопытныхъ.

Волперъ, посѣдивъ однажды Гж. *Монтморенси*, былъ приглашень ею на ужинъ въ будущую суббошу, съ тѣмъ что бы онъ описалъ

объ эпомъ и къ *Бернарду*, сочинителю известной Поэмы: *l'Art d'aimer*. Волтеръ написалъ при ней въ шопъ же мигъ къ *Бернарду*:

*Gentil Bernard est averti,
Au nom du Pinde et de Cythère,
Que l'Art d'aimer doit, samedi
Venir souper chez l'Art de plaire.*

Желательно, чтобы всѣ Экспромпты, подобно сему, имѣли столько же шонкоспи и остроуми!

(85) Я по Липейной шелъ пѣшкомъ.

Липейная составляетъ 7 ю часть чудесной и прелестной Столицы Россіи. Симъ именемъ называется и улица; она начинается отъ Липейнаго пушечнаго двора и идетъ къ Невскому Проспекту, и хотя пересѣкаетъ проспектъ сей, но по другую сторону проспекта называется улицей *Владимирскою* и принадлежитъ къ Московской части.

(86) безъ Паллады,

Паллада или Минерва, Богиня мудрости дочь Юпитера, многіе однако Палладу и Минерву отличаютъ одну отъ другой, а нѣкоторые ихъ смѣшиваютъ. Но *Аполлоторъ* щитаеиъ ихъ за разныхъ божества. Первую онъ называетъ богинею войны. Она была дочь Тритона и ей было ввѣрено воспитаніе Минервы. Обѣ онѣ любили равно военныя упражненія. Однажды, когда онѣ вступили въ единоборство, Паллада готова уже была нанести Минервѣ опасный ударъ, если бы Юпитеръ не противупоставилъ Эгида; Паллада сего

испугалась и пока обозрѣвала сей Эгидь, Минерва успѣла ранить её смертельно.

Какъ бы то ни было, но здѣсь разумѣется Минерва, дочь Юпитера, которая была Богиня мудрости, войны, наукъ и художествъ. Древніе признавали многихъ Минервъ. Цицеронъ допускаетъ ихъ пять: первая, была мать Аполлона; вторая, Истоки Нила, коей поклонялись въ Сисѣ, что въ Египтѣ; третья, дочь Юпитера; четвертая, рожденная отъ Юпитера и Корифеи, дочери Океана, которая Аркадскими жителями называлась *Корією*, она изобрѣла колесницу запряженную въ четыре лошади въ рядъ; пятая, изображается съ крылушками, имѣла отцемъ Паллада, коего она умертвила за то, что онъ хотѣлъ здѣлать ей насиліи. *Климентъ Александрійскій* то же исчисляетъ пять Минервъ: первую Афинскую, дочь Вулкана; вторую Египетскую, дочь Нила; третью дочь Сатурна, которая изобрѣла военное искусство; четвертую дочь Юпитера; и пятую дочь Паллада и Титаны дочери Океана, сія убивши своего отца содрала съ него кожу и покрылась ею. (Смотр: о семъ болѣе въ *Dictionnaire portatif de la fable* par Champré et Millin).

(87) Онъ Басни Геллерта читалъ и восхищался!

Ешенбургъ въ книгѣ своей: *Собраніе примѣровъ, касающихся до Теоріи и Литературы Изящныхъ наукъ*, (1) пишетъ о Геллертѣ

(1) *Beispielsammlung zur Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften.*

слѣдующее: „Никто изъ Нѣмецкихъ стихотворцевъ не пріобрѣлъ такого себѣ вниманія и всеобщаго расположенія во всѣхъ состояніяхъ, какъ Христіанъ Фирхтегопшъ Геллертъ, родившійся 1715, а умершій Профессоромъ въ Лейпцигѣ 1769-го года. Съ начала печаталъ онъ басни свои по одиначкѣ въ *Увеселеніяхъ* (*Belustigungen*) и въ *Бремскихъ Прибавленіяхъ* (*Bremische Beiträge*); но послѣ умноживъ и исправивъ оныя издалъ ихъ особою книгою, которую всѣ вообще читаютъ. Басни его, говоритъ *Г. Гарве*, стали книгою цѣлой націи; ихъ даже читаютъ тамъ, гдѣ ничего болѣе не читаютъ; каждый понимаетъ ихъ, каждый находитъ въ нихъ и забавную шутку, и поучительную правду. Онѣ содержатъ въ себѣ много истины и Философіи; много замѣчаній о вещахъ и людяхъ, и вмѣстѣ правилъ, къ ихъ улучшенію; но правила сїи таковы, что каждый услышавъ ихъ тотъ часъ пойметъ, каждый, даже не будучи большимъ наблюдателемъ, оправдаетъ ихъ собственнымъ опытомъ. Разсказъ Геллерта живъ, исполненъ веселости и пріятной шутки; но между шѣмъ, нѣтъ у него ни одной остроты трудной для разумѣнія, ни одной тонкой мысли, подѣ коею бы сокровенный смыслъ былъ только понятенъ одному подобному же остроумцу.“.....

Въ подтвержденіе таковаго мнѣнія *Ешенбурга* о басняхъ Геллерта, не лишнимъ считаю сообщить здѣсь Читателямъ Анекдотъ, случившійся въ жизни Геллерта: нѣкогда въ началѣ холодной зимы прѣхалъ въ Лейпцигъ одинъ Сак-

сонскій мужикъ съ дровами. Онъ остановился у Геллертовыхъ воротъ и встрѣтившись съ нимъ самимъ, спросилъ у него, не онъ ли тотъ господинъ, который сочиняетъ такія прекрасныя басни? Когда Геллертъ ему открылся, тогда крестьянинъ съ великою радостію предложилъ ему принять дрова, привезенные имъ собственно для него въ знакъ благодарности за то удовольствіе, какое доставило ему чтеніе его басенъ.

Я имѣлъ въ виду Анекдотъ сей, при сочиненіи басни моей: Саксонскій Мужикъ.

(88) Басня сія напечатана въ Журналѣ *Благонамѣренный* въ прошломъ 1823 году смотр. Но 32, тамъ четыре послѣдніе стиха Богатаго выпущены, яко излишніе; но здѣсь разсудилъ я опять включивъ оныя на томъ основаніи, что богатые всегда *многогубчивы*, когда они прунятъ надъ бѣднымъ.

(89) Король Альфонсъ.

Это Альфонсъ X. Король Леонскій и Кастильскій, прозванный *Астрономомъ* или *Философомъ*, былъ сынъ *Фердинанда Святаго*, послѣ котораго вступилъ на престолъ въ 1252 году. Любовь Альфонса къ наукамъ и правосудію и прозваніе *Sabio* (мудрый), которое было ему придано, подавали всю надежду подданнымъ его, что царствованіе его будетъ и щастливое и мирное; но ожиданія сіи не свершились. Онъ не былъ любимъ ни своимъ семействомъ, ни своими подданными, ниже своими сосѣдями; но напротивъ ученостію своею и краснорѣчіемъ пріобрѣлъ себѣ въ Европѣ такую славу, что нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ Князей содѣйствовали ему къ

исканію Императорскаго Престола. Но вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе свое на изгнаніе Мавровъ и на прекращеніе ссоръ между Вассалами, онъ ослаблялъ только силы свои, домогаясь въ 1257 году быть избраннымъ Нѣмецкимъ Императоромъ. Однако же всѣ старанія его на щепъ сей были тщешны; и пока добивался онъ суешной сей чести, собственный тронъ его былъ колеблемъ интригами Вельможъ и оружіемъ Мавровъ. Послѣднихъ разбилъ онъ на одномъ кровопролитномъ сраженіи въ 1263 году и отнялъ у нихъ *Хересъ*, *Медину-Сидонію*, *Санъ-Аугрѣ* и часть *Алгарвіи*, присоединя *Мурцію* къ Кастиліи. Но всѣ сіи побѣды въ 1271 году были уничтожены Инфантомъ *Филиполомъ*, который пакъ прошивъ него вооружился, что сія гражданская война едва была ушущена Альфонсомъ въ три года. Тутъ по истощеніи всѣхъ средствъ *Альфонсо*, всѣ увидѣли его слабость; а какъ онъ опъ нынѣ самъ уже сильно нападалъ на свое семейство, то сынъ его *Санхо* воссталъ противъ него снова, и въ 1282 году похитилъ его Корону. *Альфонсъ* искалъ помощи у Мавровъ и послѣ всѣхъ напрасныхъ покушеній возвратилъ престоль свой умеръ въ 1284 году. Немного было владѣтелей злощасливѣе *Альфонса* X; а между тѣмъ онъ былъ образованнѣйшій Король своего вѣка. Онъ составилъ себѣ неувядаемую славу, издавъ для подданныхъ своихъ собраніе законовъ, извѣстныхъ въ Испаніи подъ именемъ: *Las partidas*. Въ семъ собраніи законовъ, находятся слѣдующія и по нынѣ достопримѣчательныя слова: „Деспотъ вырываетъ дерево съ корнемъ, а му-

дрый Владѣтель обрѣзываетъ одни стростки! Альфонсъ въ особенности любилъ науки, и Европа благодарна ему за Астрономическія таблицы, кои подъ его именемъ доселѣ извѣстны. Онъ повелѣлъ издать Всеобщую Исторію Испаніи на Каспильскомъ языкѣ и перевести Священное Писаніе. Вообще Альфонсъ ревностно старался оживить науки и при концѣ распространилъ привилегіи Саламанкскаго Университета. Но не смотря на все сіе, поступки и несчастія Альфонса доказываютъ, что безъ твердости и ума одна ученость правителямъ бесполезна!

(90) На берегахъ владѣвшій Тага, Таго большая рѣка въ Испаніи, выходитъ изъ Касилии, и протекая Португалію впадаетъ въ Атлантическій Океанъ.

(91) И царства многія людей! Прежде полагали, что на Лунѣ должны быть подобныя обитатели, какъ и на Земномъ шарѣ, но по наблюденіямъ и увѣренію нынѣшнихъ Астрономовъ, кромѣ горъ, едва ли, что нибудь другое тамъ находится. Ибо доселѣ не открывалось, что бы Луна, подобно Земному шару, была обведена Океаномъ, между тѣмъ какъ можно привести много доказательствъ, что она состоитъ изъ одной только твердой, гористой поверхности, прежде было замѣчено 244 темныхъ Лунныхъ пятенъ, но знаменитый Шретеръ, опыткаль ихъ уже до 6000 и многія изъ нихъ изслѣдывалъ и описалъ.

(92) Пропускъ сей означенный почками сдѣланъ самимъ Авторомъ.

(93) *Колючки.* Дубъ и Липа разумѣютъ здѣсь презрительно то растеніе которое извѣстно у Естествоиспытателей * подъ именемъ *Carduus Americanus. Aloes. Сабуръ.* Сіе растеніе имѣетъ многочисленныя виды, (*species*); нѣкоторыя изъ нихъ цитаются безполезными для употребленія. Сюжесть сей басни имѣетъ сходство съ баснею Г. Арно: *L'arbre exotique et l'arbre indigène.* Я выпишу ее для любопытныхъ.

- Tandis qu'en vain cet arbre utile
Attend l'eau dont il a besoin,
Pourquoi prenez vous tant de soin
De cet arbre ingrat et stérile?
— Mon ami, c'est qu'il vient de loin.

Въ баснѣ Нахимова: *Волы и Лошадь*, сія мысль тоже находится; но баснь его не только лучше моей, но имѣетъ преимущество даже и предъ баснею славнаго Г. Арно! Она представлена рѣзко, дѣйствіе въ ней сильно и очевидно, а оборотъ очень колокъ. Однимъ словомъ, она совершенно показываетъ ту вѣрную картину, которую сочинитель имѣлъ въ предметѣ.

„Спросили нѣкогда у Лошади Вола:
За что Боярину понравились Ослы?
Вѣдь работать они намъ мало помогаютъ,
Однако больше ихъ и кормятъ и ласкаютъ!
— И вы не знаете, Конь отвѣчалъ Воламъ,
За что такая честь Осламъ,
И барская не милость къ намъ?
Такъ знайтежъ новобранцы:
Мы Рускіе — Ослы же иностранцы!

Здѣсь опять, какъ и въ *Памяти моей о Нахимовѣ* (*) долженъ я невольно обнаружить мое удивленіе на щепъ равнодушія оказываемаго къ сочиненіямъ Нахимова, какими то Господами, называющими себя: *Обществомъ Любителей Отечественной Словесности* (**) въ 1820 году вышло продолженіе ихъ, *Собранія образцовыхъ Рускихъ сочиненій*, и опять нѣтъ ни одной пьесы Харьковскаго Поэта! Странно, если цѣлое общество не читало Нахимова.

(94) Но если мой билетъ послѣднимъ Сего дня выймушь можешь быть!

Между многими обольстительными *преміями* большой Лотереи, разыгранной на Санктпетербургской Биржѣ, въ 1823 году была слѣдующая: Послѣдній билетъ, вынутый въ послѣдній день розыгрыша Лотереи; кромѣ выигранной какой бы ни было на шопъ разъ суммы, получаетъ въ добавокъ *сто тысячъ рублей*; какъ бы въ награду, за то, что прекращаетъ волненіе крови, и заспавляетъ одуматься разгоряченныхъ Спекуляторовъ, напоминая имъ, что срокъ *легко обогатиться* (***) уже прошелъ, и что надобно опять прибѣгнуть къ трудолюбію!

(*) Въ 1818 году сочинитель написалъ небольшую книжку: *Память о Харьковскомъ Стихотворцѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ*.

(**) Я не имѣлъ случая опъ кого либо слышать, чего нибудь опредѣлительнаго о семъ обществѣ, и не знаю точноли оно существуетъ, хотя знаю его имя... Впрочемъ дивисься не чему, у насъ часто общества существуютъ только въ одномъ названіи.

(***) Цѣна билету была 50 руб., а купонамъ 25, 10 и 5 руб.

(95) Здѣсь разумѣется *Миносъ*, сынъ *Юпитера* и *Европы*, дочери Царя *Финикійскаго*. Онъ былъ подъ симъ именемъ первымъ Царемъ на островѣ *Критѣ*. Правосудное его управленіе своимъ народомъ доставило ему названіе *Судьи въ Царствѣ тѣней или Ада*, подобно *Сарледону* и *Радаманту*. Сами древніе часто его смѣшивающъ съ другимъ *Миномъ*, который по свидѣтельству *Діодора* былъ сынъ *Ликаста*, а внукъ *Миноса*! Гомеръ впрочемъ не зналъ двухъ *Миновъ*, онъ упоминаетъ только объ одномъ и именно о сынѣ *Юпитера* и отцѣ *Арїадны*.

(96) *Россійскій Пиндаръ Ломоносовъ*!

Кто не знаетъ изъ насъ *Ломоносова*, *Отца Россійскаго Стихотворства*, нашего *Пиндара* и *Учителя* нашего? Мы ли не станемъ признавать его учителемъ нашимъ, когда по замѣчанію *Г. Мерзлякова*: „*Херасковъ*, *Петровъ*, *Поповскій*, *Богдановичъ*, *Державинъ* и другіе мужи знаменитые, составляющіе честь, красоту, пріумфъ *Россійской Словесности*, чистосердечно вмѣняли въ славу называться учениками *Ломоносова*? Заслуги *Ломоносова* языку и *Литературѣ* безсмертны.“ Знаменитый мужъ сей родился въ 1711 году въ деревнѣ *Денисовской*, не подалеку отъ *Холмогоръ* въ *Архангельской Губерніи*. Отецъ его Государственный крестьянинъ, промыслъ былъ рыбацкй; а *Михаиль Васильевичъ Ломоносовъ* былъ *Смашскій Совѣтникъ*, Профессоръ *Санкт-Петербургской Академіи Наукъ*, Членъ *Академіи Штокгольмской* и *Болонской*. Скончался 4-го *Апрѣля* 1765-го года, и погребенъ въ *Александроневскомъ монастырѣ*; надъ могилою

его поставленъ великолѣпный мраморный памятникъ, иждивеніемъ Канцлера Графа Михаила Ларионовича Воронцова.

(97) Приготовивъ для просмотра въ Цензурный Комитетъ первыя три книги басенъ моихъ, которыя вѣрно уже, (льщу себя надеждою!) прочли почтенные мои читатели, неожиданно получилъ я отъ Г. Графа, славнаго и ученаго здѣшняго (*) книгопродавца, небольшую книжку, нарочито имъ выписанную для меня изъ за границы, подъ названіемъ: *Hundert Vierversige Fabeln. von J. J. Castelli. Wien 1822.* Книжечка сія изданная въ видѣ Календаря, была принята Вѣнскою Публикою довольно благосклонно. (**) Въ ней нашель я нѣсколько басенъ, которыя успѣшно переведены на Россійскій языкъ стихами же, какимъ по Анонимомъ, скрывшимъ имя свое подъ знакомъ: * * *. Въ особенноти рекомендую двѣ его басни: *Плодъ* и *Жертвенникъ* и *Правосудіе*. Скромный переводчикъ сей, басенки свои въ чепырехъ стихахъ, въ 1823 и 1824, годахъ напечаталъ въ *Новостяхъ Литературы* и въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824-й; а на 1825-й въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* изданныхъ Барономъ Дельвигольцъ. Еще въ упомянутомъ Вѣнскомъ Календарѣ отыскалъ я басню XLII *Der Nagel*, послужившую основаніемъ для Басни Князя Вяземскаго.

(*) Писано въ С. П. Б.

(**) Другая же, вышедшая въ 1823 году въ Нейштадтѣ на Одерѣ, подъ названіемъ: *Hundert Vierversler. Ein Nachtrag zu Castellis vierversigen Fabeln. Von E. A. L. von Teubner.* далеко достоинствомъ своимъ не подходитъ къ баснямъ Кастеллія.

скаго: *Молотокъ и Гвоздь*, помѣщенной имъ въ Полярной Звѣздѣ на 1824-й годъ. О баснѣ сей мимоходомъ, но рѣшительно можемъ сказать, что *Колія* превзошла *Оригиналъ*! Всѣ сіе поощрило и меня попытаться прибавить еще *четвертую* Книгу къ моимъ баснямъ, которая бы вся состояла изъ однѣхъ коротинькихъ басень и именно въ четырехъ сшихахъ. На каковый конецъ оплохилъ я опять, но въ послѣдній уже разъ (смот: Предисловія стран: 13.) изданіе басень моихъ, и принялся со шщаніемъ перелагать шѣ изъ басень *Г. Кастелли*, которыя или болѣе мнѣ другихъ нравились, или легче мнѣ такъ сказать поддавались! Въ три мѣсяца, то есть: отъ Декабря 3-го (смот: Предисловія стран: 14.) до первыхъ чиселъ Марта удалось мнѣ преодолѣть всѣ предстоявшія въ подвигѣ моемъ трудности; ибо божусь вамъ, написать баснь *непрелѣнно* съ *четырехъ* сшихахъ, довольно мозголомная работа! Но я соглашаюсь съ *Г. Кастелли*, чѣмъ короче какая истина изображена, шѣмъ легче сохраняется она въ памяти; ее скорѣе вездѣ принимаютъ, когда появляется она съ веселымъ лицомъ, въ чужомъ убранствѣ, нежели когда выступаетъ съ надменностію въ докшорской мантии съ длиннымъ шлейфомъ.“

Тутъ опять столкнулся я подобно какъ въ первыхъ книгахъ съ *Г. Дмитриевымъ*, (смот: Предисловія стран: 7.) и съ *Г. Неизвѣстнымъ* означившимъ имя свое * * *, переведа послѣ него двѣ басни: 1. Добродѣтель и Порокъ и 2. Скорбь. Хотя на пути семъ я немного подросъ, ш: е: не оказался *Пигмеемъ*; ибо тоже встрѣшилъ не

Алкида (смот: Предисловія спран: 8.) но всё таки не перевелъ бы я двухъ сихъ басень, если бы одинъ изъ моихъ знакомыхъ нѣсколькими днями ранѣ прислалъ мнѣ для справокъ *новости Литтературы* за прошедшіе годы. Въ заключеніе, прошу почтеннѣйшихъ Читателей моихъ не осуждать сихъ моихъ *четверостишій*, не сравнивъ прежде оныхъ съ таковыми же Кастеллія.

(98) Одинъ Лакомка сорвалъ съ дерева грушу и, нашедъ ее внутри гнилою, подрубилъ за то Дерево со множествомъ и хорошихъ плодовъ. О если бы Кришика не такъ исправляла свое дѣло!

(99) предъ Австеромъ;

То есть: предъ южнымъ вѣтромъ. *Австеръ*, по однимъ Мифологамъ, сынъ *Астрей* и *Ерибен*; а по другимъ *Еола* и *Авроры*. Овидій изображаетъ его старикомъ, высокаго росшу, съ бѣлыми власами, съ грознымъ видомъ, глава коего окружена облаками, а изъ плащя его со всѣхъ сторонъ низливаются потоки водъ. Ювеналь же представляетъ *Австера* сидящимъ въ пещерѣ *Еола* и обсушивающимъ послѣ бури свои крылья.

(100) Перуны

Перунъ, у древнихъ Славянъ щитался главнымъ и могущественнымъ Божествомъ. Всѣ воздушныя явленія были въ его власти. Замѣчательно, что Владимиръ Великій сначала соорудилъ въ Кіевѣ храмъ Перуну и поставилъ тамъ сего Идола. Чурбанъ его былъ вырѣзанъ изъ крѣпчайшаго дерева, голова была серебрянная, усы и уши золотыя, а ноги желѣзныя. Въ рукахъ держалъ онъ камень, высѣченный въ видѣ громовыхъ стрѣлъ, разукрашенный рубинами и карбункулами. Предъ

жмь безпрестанно горѣлъ неугасимый огонь; и ежели по неосторожности жрецовъ оный погасалъ, ихъ за таковое небреженіе сжигали самихъ, яко враговъ Перуна. Но послѣ когда Владиміръ принялъ Христіанскую вѣру онъ велѣлъ привязать его къ лошадиному хвосту, и приказалъ двѣнадцати своимъ воинамъ бить его толстыми палками и послѣ бросить въ Днѣпръ.

Не смотря на таковыя перевороты, *имя Перуна* сохранилось въ языкѣ Россійскомъ. Слово сіе нашими писателями употребляется въ переносномъ смыслѣ вмѣсто *грома* или *громовыхъ ударовъ* или *громовыхъ стрѣлъ*. Тутъ не мѣшаешь еще замѣнить что слова: *Перунъ, Перуны*, принадлежатъ собственно такъ называемому языку *Книжному*; а въ *разговорахъ* рѣдко случается ихъ слышать.

(101) Въ Гіевку завтра ускачу!

Гіевка, такъ называется деревня моего Дяди и Благодѣтеля, отстоящая на 18 верстъ отъ Губернскаго города Харькова.

(102) Во избѣжаніе разныхъ недоумѣній и пересудовъ, какъ отъ Гг. Читателей, такъ равно и отъ Гг. Кришиковъ, на случай, если бы кто изъ сихъ послѣднихъ вздумалъ оказать мнѣ честь, обратишь вниманіе свое на мои Басни: въ заключеніе особымъ долгомъ пославляю, сказать нѣсколько словъ и о самыхъ сихъ *Примѣчаніяхъ*.

Одни изъ моихъ знакомыхъ полагали, что *Примѣчанія* сіи совершенно лишнія; другіе хотѣли видѣшь, во всемъ семь *сборѣ*, единую токмо *жизливоросъ* Автора, сиящагося выказать, какую *то* свою *ученость*, и просто называли *Примѣча-*

нїя сїи, *педанство*мъ; весьма не многіе нашли-
ся, которые благосклоннѣе судили, и признавали
пользу Примѣчаній сихъ, но не всѣхъ вообще, а
только нѣкоторыхъ.

Я же, при составленіи *Примѣчаній* сихъ,
имѣлъ въ виду причины шаковыя: *Во первыхъ*, я
льстилъ себя надеждою, такъ, какъ каждому изъ
Авторовъ свойственно, что буду имѣть Чита-
телей всѣхъ возрастовъ и состояній, по чему и
старался, дабы Примѣчанія мои были *повсемѣ-*
ственны и удовлетворяли любопытству каждо-
го. *Во вторыхъ*, мнѣ казалось, что Примѣчанія
мои не будутъ лишними; ибо *подобныя* нашелъ
я, и у нынѣшнихъ Французскихъ извѣстныхъ Ба-
снописцевъ, какъ то: у Гг. *Арно, Лебальи, Ба-*
рода Стасарта и другихъ.

Здѣсь не мѣшаетъ еще прибавить, что въ
нѣкоторыхъ Примѣчаніяхъ, о Россійскихъ Писа-
теляхъ, руководствовался я въ особенности
полезною *Учебною Книгою Россійской Словесно-*
сти Г. Греча. А потому, само собою разумѣет-
ся, что *чины* и другіе достоинства, состоящихъ
на службѣ Россійскихъ Писателей, упомянутыхъ
въ сихъ Примѣчаніяхъ, перемѣнились.

(*) *Прибавленіе.*

Г. Адъюнктъ *Филомавитскій*, почтенный
бывшій мой сотоварищъ по Университету, раз-
смащивая рукопись мою, въ концѣ басни (К. III.
б. 2.) почтилъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ:

Да извинитъ меня сей Басни Сочинитель,
Когда я не приму урокъ его въ урокъ:

Не бѣдность здѣсь была невинности губитель, —
На молодость напалъ неопытну порокъ;
И знать что Аннушка не обращалась къ Богу, —
Который есть покровъ и сиру и убогу,
За взоръ одинъ къ Нему спасаетъ Онъ отъ бѣды —
И всякому *свою* Онъ долю подаетъ.
Припомъ: коль бѣдноши идущіе спезёю
Разврату иногда и жертвуютъ собою;
То видимъ болѣ примѣровъ мы спокрашъ,
Что съ изобиліемъ — раждается развратъ.

Примч: Цензора.

Конецъ Примѣчаній.

Въ Университетской Типографіи.

